

Вне закона и ЛЮБВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

A. Safina

Вне закона и любви

<https://litres.ru/74610709>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда, чтобы спасти того, кто тебе дорог, приходится шагнуть прямо в ад.

Оказавшись в полной власти жестокого и властного Кристиана, она становится пешкой в опасной игре, где права на ошибку нет. Кристиан привык подчинять и забирать всё без остатка. В его руках она — лишь трофей, но с каждым днём грань между взаимной ненавистью и всепоглощающей страстью становится всё тоньше. Чувства к человеку, которого она должна была ненавидеть, пугают своей силой и заставляют задыхаться от сжигающего чувства вины.

Ведь в её сердце всё ещё живёт Тьяго — тот, ради кого она пошла на эту жертву.

Она предала свою свободу, но готова ли отдать свою душу? Сохранить верность настоящей любви, пройти через искушение тьмой и не потерять себя — это главное испытание. Какую цену придется заплатить, чтобы вырваться из плена и вернуться к тому, кому на самом деле принадлежит её сердце?

Остросюжетный роман о преданности, прохождении через тьму и любви.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Талия	8
Глава 2. Кристиан	25
Глава 3. Талия	46
Глава 4. Кристиан	65
Глава 5. Талия	79
Глава 6. Кристиан	96
Глава 7. Талия	116
Глава 8. Кристиан	133
Конец ознакомительного фрагмента.	141

A. Safina

Вне закона и любви

Пролог

Зеркало было огромным — в человеческий рост, но казалось великанским: в нём отражался кто-то чужой. Я сидела неподвижно, как статуя, и смотрела, как чужие руки укладывают мои волосы. Слез больше не было. За три месяца я свыклась с мыслью, что стану женой человека, которого ненавижу всей душой.

Рука сама легла на живот, скользнула по ткани халата — словно пыталась защитить крошечное чудо, единственное, что осталось от моей прежней жизни.

— Мисс... Можем приступить к макияжу? — тихо спросила девушка лет тридцати. У неё были мягкие черты лица, спокойный взгляд, но держалась она настороженно. Здесь всем запретили болтать, сочувствовать, задавать вопросы. Только работать и уходить.

— Да. Конечно, — равнодушно кивнула я.

Пока кисточки скользили по коже, в голове крутилась одна мысль: три месяца прошло с того дня, как я передала письмо Айрис. Добралось ли оно до него? Жив ли он?

Перед глазами встал его силуэт — тот самый, из коридо-

ра университета, когда он поймал меня. Тогда всё казалось возможным.

Сейчас — ничего.

Что бы он сказал, узнав про ребёнка? Оставил бы меня, спрятал там, где Кристиан никогда не найдёт? Или сам пришёл бы к нему, чтобы всё закончить? Я не знала. И от этого становилось тяжелее.

— Дорогая! Какая ты красивая! — в комнату ворвалась мама.

Её голос звучал так, словно ничего не случилось: будто она не продала меня, чтобы закрыть долги, будто мы по-прежнему семья. Я стиснула зубы. Родители вызывали во мне не горечь даже, а отторжение — как яд, разъедающий изнутри.

«Я знала, что она не умеет любить. Знала, что каждый раз, когда я верила ей, она предавала меня. Так почему я тогда поверила?» — мысль крутилась, как заезженная пластинка.

— Выйди, — процедила я сквозь зубы.

— Талия, милая, в такой день родные и близкие должны быть рядом. Я понимаю твоё волнение, — она говорила искренне, по-матерински, и от этого становилось жутко: неужели она правда не видит, что сделала? Или ослепла от того, что её проблемы наконец решились?

— Вот именно. Родные и близкие. Ты неходишь ни в одно из этих понятий, — холодно отрезала я.

Она вздрогнула, как от удара. Но теперь не могла ударить

в ответ: за это ей грозило потерять не только моё уважение, но и голову.

Я резко встала, подошла вплотную, посмотрела прямо в глаза:

— Пошла вон.

В её взгляде мелькнул привычный властный гнев, но она тут же потушила его — поняла: власть здесь не у неё.

— Но...

— Пошла вон. Или я вызову охрану, — сказала ледяным тоном, который сама едва узнавала.

Она молча кивнула, развернулась и вышла, тихо прикрыв дверь.

Я повернулась к девушке, которая делала мне причёску, та стояла неподвижно, боясь даже дышать:

— Позовите Нейтлин. Быстро.

Та коротко кивнула и выскользнула из комнаты.

Я снова опустилась в кресло, прижала ладонь к животу и прошептала:

— Прости. Прости, что втянула тебя в это. Но я найду способ всё исправить. Обещаю.

Повернулась ко второй девушке, махнула головой:

— Продолжайте.

Она коснулась кистью моего лица и тихо, едва уловимо сказала:

— Я вас понимаю. Несколько лет назад я сама была в вашей ситуации. Но помните: после чёрной полосы идёт белая.

Жизнь — это зебра.

Она улыбнулась так, как должна была улыбаться моя мать в день настоящей свадьбы — той, которую выбрала бы я.

— Пока мне кажется, что выхода нет. И это меня убивает. Но у меня осталось то, ради чего я хочу жить, — я снова погладила живот.

— Мой муж был отвратителен. Я ненавидела его. Он хотел наследника и добивался этого в любое время и в любом месте. Я была не женой, а инкубатором. А у меня каждый раз были выкидыши — потому что он напивался и избивал меня. Так шло по кругу, пока я не нашла смелости ответить ему. Этот мир отвратителен. Я знаю, каково это.

— И где ваш муж сейчас?

— Там, где ему самое место. Умер от передозировки алкоголя, — она хитро улыбнулась, и я поняла, что она ему помогла.

— Макияж закончен. Можем одевать платье.

В комнату зашла Нейтлин — на ней не было лица. Так было последние месяцы: казалось, она переживает сильнее, чем я. Спасибо моему благоверному, что хоть с ней мне можно общаться.

— Нейт, поможешь надеть платье?

Она только кивнула. Моя живая девочка стала чернее тучи. В её глазах читалась вина, но винить её было не за что: она спасала меня всё это время. И была в той же ловушке, что и я.

Глава 1. Талия

Я стояла перед зеркалом, вглядываясь в собственное отражение. Платье цвета слоновой кости впитывало приглушённый свет комнаты, становясь то светлее, то темнее — словно само пространство дышало вместе со мной. Корсет туго стягивал талию, подчёркивая хрупкость, будто хотел напомнить: я здесь не по своей воле, я — тонкая грань между гордостью и падением. Ткань, плотная и благородная, была расшита тончайшим золотым узором: витиеватые завитки сплетались в орнамент, похожий на старинные гравюры. Длинные рукава из полупрозрачного кружева ложились мягкими складками — они едва скрывали очертания рук, словно не решались прятать меня целиком. Юбка ниспадала тяжёлыми волнами, образуя многослойные драпировки: каждый слой отличался фактурой и степенью прозрачности, создавая иллюзию глубины. Казалось, в этих складках таится целая история — история, которую никто не прочтёт. Шлейф стелился по тёмному дереву пола, а его край, отороченный изящной вышивкой, мерцал при каждом движении: миниатюрные цветы и листья покрытые инеем, переливались, как намёк на холод, который уже поселился внутри. В этом платье не было торжества — только тяжесть ожиданий, немой укор и обречённость.

За моей спиной стояла Нейтлин — как щит, как един-

ственный человек, который не хотел выпускать меня из этой комнаты, где ещё можно было дышать. Стук в дверь прозвучал неожиданно громко отрезая путь назад.

— Талия, пойдём... — отец робко склонил голову. Я знала: он чувствовал вину, в отличие от матери. Но это не делало его невиновным — вина его была не меньше, просто она носила другой оттенок: стыд вместо равнодушия.

Нейтлин сжала мою руку и посмотрела мне прямо в глаза. Я коротко кивнула. Я была готова. Не сдамсь. Стану сильнее и не позволю больше себя сломить. Подошла к отцу, положила руку на сгиб его локтя. Серый костюм, синий галстук — сдержанно, со вкусом, он хотел выглядеть достойно хотя бы внешне.

— Прости меня, — тихо произнёс отец, виновато глядя на меня, пока мы шли по проходу церкви к алтарю.

— Заткнись, — отрезала я ровным, почти безжизненным тоном, в котором всё же звенела сталь. — Ты больше не имеешь права со мной говорить. Запомни: это последний раз, когда мы стоим рядом и я делаю вид, что всё хорошо. Последний день, когда ты можешь называть меня дочерью.

— Я понимаю и принимаю твоё решение. Но...

— Никаких «но». Всё. Больше нас ничего не связывает. Я помогла вам. Отплатила за воспитание и образование.

Он только кивнул. Ничего не ответил. И в этом молчании я даже почувствовала странную благодарность: он хотя бы не пытался спорить, в отличие от матери, которая продолжала

жить в своём иллюзорном мире, искренне веря, что теперь всё будет хорошо.

Мы шли по проходу между скамьями. Все встали, их взгляды были прикованы ко мне. Кристиан смотрел пристально, выражение лица оставалось непроницаемым — ни торжества, ни сожаления. Я не могла понять, о чём он думает. А взгляды гостей были ехидными, почти хищными: они знали, что это не любовь, а расчёт. Знали, что я — его покупка, его трофей. И от этого каждый шаг давался тяжелее.

Отец передал мою руку в руку Кристиана и поцеловал меня в лоб — он ставил последнюю точку в старой истории. Я встала рядом с Кристианом перед священником, и тот начал церемонию.

— Возлюбленные дети мои, вы пришли сюда, дабы соединить свои судьбы перед Богом и людьми. Брак — не просто союз двух сердец, но таинство, в коем двое становятся единой плотью и единым духом.

Он повернулся к Кристиану.

— Имеешь ли ты, Кристиан, произволение благое и непринуждённое, твёрдое намерение взять в жёны Талию, пред всеми свидетельствуя о своей любви и готовности хранить верность ей до конца дней своих?

— Имею.

Священник повернулся ко мне.

— И ты, Талия, имеешь ли искреннее желание стать женой Кристиана, обещая ему преданность и поддержку во

всех путях жизни?

Я смотрела то на Кристиана, то на священника, то на гостей. В груди всё сжалось: после моего ответа пути назад не будет. Ни для меня, ни для ребёнка, которого я носила.

— Имею, — голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

— Да будут ваши слова запечатлены не только в памяти присутствующих, но и в книге небесной. Примите эти кольца как знак чистоты, славы и ответственности, возлагаемые на вас ныне.

Он передал кольцо Кристиану. Тот взял мою руку, чтобы надеть его. Кольца были одинаковыми — старинными, из золота, в изысканном винтажном стиле. Сложный ажурный орнамент: витиеватые завитки и растительные мотивы, выполненные в технике рельефной гравировки, создавали эффект утончённости. По периметру тянулись дорожки из мелких прозрачных бриллиантов — они подчёркивали рельеф узора и добавляли украшению сияние. Внутренняя часть ободов была оформлена узорами из мелких отверстий, придавая изделиям декоративность.

Священник передал мне кольцо для Кристиана. Я взяла его руку в свои — и меня начала бить крупная дрожь, которую невозможно было скрыть. Он накрыл мои руки своей второй ладонью. Я подняла на него взгляд, и он едва заметно кивнул. В этот миг в его глазах мелькнуло что-то похожее на уязвимость — будто и ему не было всё равно. Но я тут же прогнала эту мысль: нельзя было позволять себе видеть в

нём человека. Нельзя было давать слабину. Я надела кольцо и снова повернулась к священнику.

— Господь да благословит ваш союз, да укрепит его в испытаниях и преумножит радость в счастливые дни. Пусть любовь ваша будет терпелива, милосердна и вечна. Жених может поцеловать невесту. Аминь.

Кристиан потянулся ко мне, и в этот момент мне отчаянно захотелось сбежать. До меня окончательно дошло: только что я перечеркнула свою жизнь. Его лицо приближалось, будто в замедленной съёмке, и он коснулся моих губ лёгким, невесомым поцелуем. Не стал целовать жадно, не стал клеймить при всех: «Теперь ты моя». И от этой сдержанности стало только страшнее — она говорила о власти куда громче крика.

К нам начали подходить гости, поздравлять. Каждое слово звучало как гвоздь, вбиваемый в крышку гроба моей прежней жизни. Я улыбалась — ровно, безупречно, как учили. Улыбка не касалась глаз, но этого никто не замечал.

После церемонии мы не поехали ни в особняк, ни в обычный ресторан. Кортёж свернул к побережью, и вскоре перед нами раскинулся комплекс, больше похожий на элитный курорт, чем на место для банкета. Широкие террасы спускались к морю, между колонн вились живые виноградные лозы, а вместо тяжёлых штор — лёгкие полупрозрачные ткани, которые шевелились от морского ветра. Столы стояли полукругом у самой воды, и казалось, праздник растворяется в

шуме прибоя, становясь частью пейзажа.

Мы вошли на террасу, и тёплый ветер тут же подхватил шлейф моего платья, потянув его вперёд, словно торопил. Гости уже собирались, кто-то смеялся, кто-то вполголоса обсуждал детали, но стоило нам появиться — разговоры стихли, а потом снова поплыли, уже вокруг нас, как волны вокруг скалы.

Банкет развернулся легко, почти непринуждённо: официанты бесшумно скользили между столами, поднося блюда, это была не еда, а произведения искусства. Хрустальные бокалы ловили отсветы фонарей и рассыпали по скатертям крошечные искры. Но для меня всё это было декорацией — красивой, дорогой, но чужой.

Гости снова подходили, и Кристиан знакомил меня с ними — будто представлял не жену, а новый актив.

— Это Джеймс Харрингтон и его супруга Эмили Харрингтон. Джеймс — связующее звено между отделами и внешними партнёрами. Он держит в голове все договорённости, помнит, кто кому что обещал, и не даёт никому «забыть» свои обязательства. Его календарь — это нервная система всей фирмы.

«Фирмы», — мысленно повторила я, едва сдерживая горькую усмешку. Да, я уже поняла, чем они занимаются. Мафия — это криминал. Только красиво завуалированный, упакованный в дорогие костюмы и вежливые улыбки. Я мягко улыбнулась, не разжимая губ. Эмили смотрела на меня с

нескрываемым осуждением, а на Кристиана — с обожанием, между ними существовала особая связь, куда более прочная, чем брак. А сам Джеймс разглядывал меня так, словно я стояла перед ним обнажённая.

— Это Ноа Тейлор и его супруга Миа Тейлор. Ноа — городской советник с фокусом на социальную справедливость. Он продвигает программы доступного жилья, реформу полиции и поддержку молодёжи. Его особенность в том, что он не просто голосует — он ездит по районам, встречается с активистами, лично проверяет, как работают его инициативы.

Эта пара выглядела чуть привлекательнее остальных. Миа была милой, явно в положении, и в её взгляде не было ни презрения, ни любопытства. Ноа держался ровно, не выражая ни отвращения, ни восторга, и за это я была ему благодарна — он не пытался меня оценить.

— А это Карлос Гарсия и его супруга София Гарсия. Карлос — переговорщик и медиатор. Это имя, которое уважают другие семьи. Он улаживает конфликты между кланами, договаривается о зонах влияния и гарантиях.

Знакомствам не было конца. Лица сливались в одно размытое пятно, имена оседали где-то на периферии сознания. Но вечер постепенно подходил к концу, и я чувствовала странное, почти болезненное облегчение — и вместе с тем леденящий страх перед тем, что начнётся, когда мы с Кристианом переступим порог его особняка.

Наконец прозвучали последние поздравления, и Кристи-

ан едва заметно кивнул кому-то из своих людей.

Охрана подогнала к нам мощный внедорожник «Мерседес». Машина блеснула в свете фонарей хромированными деталями и плавно остановилась у ступеней. Водитель, в идеальном сидящем костюме, открыл заднюю дверь с едва слышным щелчком.

— Пора, — тихо сказал он, не глядя на меня, но протягивая руку.

Я на секунду замерла, словно ещё могла выбрать — остаться здесь, среди полустёртых лиц и фальшивых улыбок, или шагнуть дальше. Но выбора не было. Вложила ладонь в его руку — холодную и твёрдую. Он не сжал её, просто удержал, фиксируя факт: я с ним.

Кристиан пропустил меня вперёд, и я скользнула в салон. Внутри автомобиль оказался просторным и комфортным, каждая деталь говорила о роскоши и статусе. Кожаные сиденья, дерево на панелях, ненавязчивая подсветка создавали атмосферу уюта и защищённости. Кристиан сел рядом, и внедорожник плавно тронулся с места. Я смотрела через тонированные стёкла на удаляющийся свет фар других машин и чувствовала, как напряжение этого дня наконец-то отпускает меня.

— Долго ехать? — спросила я, сама удивившись, что вообще заговорила. Голос прозвучал непривычно тихо.

Кристиан чуть повернул голову, но не стал отвечать сразу. Он смотрел вперёд, туда, где дорога уходила в темноту, будто

там, в этой темноте, прятался ответ на все вопросы.

— Не очень, — наконец произнёс он ровно, без интонаций. — Скоро будешь дома.

Слово «дом» прозвучало странно — оно не имело ко мне никакого отношения. Но я не стала спорить. Просто снова отвернулась к окну и прошептала про себя, так тихо, что даже сама едва слышала:

— Посмотрим, что это за дом.

Внедорожник свернул на широкую аллею, ведущую к внушительному особняку. Свет фар выхватывал из темноты величественные колонны и высокие окна будущего дома. Когда машина остановилась у входа, я поняла, что это место станет моей тюрьмой или спасением — в зависимости от того, как я смогу себя здесь проявить.

Я вышла первой, шлейф платья скользнул по ступенькам, как прощальный жест. Кристиан последовал за мной, не предлагая руку, не пытаясь поддержать — просто шёл рядом. Дверь распахнулась, и навстречу нам шагнул дворецкий — немолодой, сдержанный, с лицом, будто высеченным из того же камня, что и стены.

— Добро пожаловать, господин Кристиан. Добро пожаловать, госпожа Талия.

Последнее слово прозвучало как приговор, окончательно запечатавший этот день.

Кристиан прошёл вперёд, не оглядываясь. Я помедлила на пороге, в последний раз оглядываясь назад — туда, где доро-

га терялась среди деревьев, а море оставалось где-то далеко, за горизонтом. Потом глубоко вздохнула и переступила порог. Дверь закрылась за мной с тем же глухим, окончательным звуком, что и дверь машины. Только теперь это был не просто щелчок замка — это был рубеж.

Кристиан оставил меня и пошёл вглубь дома, растворяясь в полумраке коридора, сам дом поглощал его, как нечто родное и привычное. А ко мне подошла женщина лет пятидесяти — строгая, но не холодная, в простом тёмно-сером платье, с аккуратно собранными волосами. Мы направились к лестнице, затем по коридорам.

— Это ваша спальня, — проговорила она, открывая дверь в роскошную комнату. — Меня зовут Дженни. По всем вопросам обращайтесь ко мне. Вот это внутренний телефон домашних работников. Если вам что-то понадобится, позвоните. На тумбе возле кровати лежит список номеров.

Она протянула мне мобильный с кнопками — такой, как в старых сериалах: крупный, с большими цифрами.

— Господин Кристиан попросил вас готовиться ко сну и не ждать его.

Я машинально взяла телефон, ощущая его непривычную тяжесть. Пальцы скользнули по шершавой поверхности корпуса, и на секунду мне стало почти спокойно от этой старомодной простоты — в нём не было ничего лишнего, никаких скрытых смыслов.

— Подскажите... А я могу с ним связываться по этому

телефону?

Дженни чуть кивнула:

— Да. Там есть номер его кабинета и личный.

Она положила свою руку мне на щеку — тёплую, чуть шершавую, по-матерински заботливую. И прошептала:

— Не бойтесь никого в этом доме. Даже самого Кристиана. Вас никто не обидит.

А потом резко убрала руку и поспешила к выходу, словно испугалась собственной слабости. Но перед тем как выйти, остановилась и добавила:

— Завтра вас вызовет Кристиан и даст распоряжения по всему остальному. Если пожелаете, я могу позвать вас к завтраку, когда он спустится.

— А сегодня я его не увижу? — спросила я, сама удивляясь, как в этом вопросе смешались и надежда, и страх.

— Он сказал, чтобы вас никто не беспокоил.

— Ясно. Спасибо.

Дверь закрылась. Щёлк. Ещё один замок, ещё одна граница.

Я осталась одна.

Комната была огромной, но не давила размерами — скорее, прятала меня в своей роскоши, как в коконе. Тяжёлые бархатные шторы приглушали свет, кровать с резным изголовьем манила усталостью, а на столике у окна стоял поднос: фарфоровый чайник, чашка, блюдце с крошечными пирожными, кто-то заранее знал, что мне понадобится хоть капля

уюта.

Я подошла к окну и отодвинула край шторы. За стеклом чернел сад — бесформенный, густой, полный теней. Где-то там, за этими деревьями, оставалась дорога, по которой мы приехали, огни побережья, прошлая жизнь... но отсюда их не было видно. Казалось, дом отгородил меня от всего, что я знала. Положив телефон на тумбочку, я провела ладонью по гладкой поверхности дерева. Потом медленно сняла тяжёлые заколки из волос — они упали на столешницу с тихим стуком, как маленькие колокольчики. Платье, такое красивое ещё несколько часов назад, теперь казалось кандалами: корсет стягивал грудь, ткань кололась, каждый шов напоминал о том, что меня нарядили, как куклу, для чужого торжества. С трудом распустив шнуровку, я наконец сбросила платье — оно упало к ногам тяжёлой волной, будто само не хотело расставаться со мной. Надела мягкую ночную сорочку, которую кто-то предусмотрительно разложил на кровати, и села на край постели.

Тишина в комнате была не пустой — она была плотной и насыщенной, дом дышал и прислушивался ко мне. Я обхватила себя руками, пытаюсь удержать хоть каплю тепла: я не боюсь темноты. Я боюсь того, что наступит утром, когда Кристиан назовёт мне правила этого дома — и моей новой жизни.

Телефон на тумбочке говорил: помощь есть, стоит только нажать кнопку. Но я знала, что не нажму. Не сегодня. Се-

годня я должна была остаться наедине с собой — чтобы собрать осколки той Талии, которая ещё помнила, каково это — выбирать свой путь.

В голове была только одна мысль, крутившаяся, как заезженная пластинка: «Тьяго, прости».

Тьяго

Три месяца. Теперь я капо клана Чарлинес. Вся власть у меня — и тяжесть её я чувствовал не в плечах, а в груди, каждый вдох теперь должен был быть оправдан делом. За это время я успел многое: перекроил старые маршруты, выбил новые зоны влияния, заставил тех, кто раньше смотрел на нас свысока, теперь поглядывать с опаской. Но впереди было ещё больше. Гораздо больше.

Я посмотрел на свою руку: на мизинце тускло поблёскивало кольцо капо с эмблемой нашего клана — змея, обвивающая кинжал. Не украшение, не трофей. Печать. Обещание. Кристиан за всё ответит. Я не позволю клану снова упасть, не позволю, чтобы наши люди снова стояли с протянутой рукой. Я заберу всё, что по праву моё.

Временами ярость слепила меня, накатывала горячей волной, и тогда приходилось стискивать зубы, сжимать кулаки, заставлять себя дышать ровно и думать ясно. Потому что ярость хороша для драки, но не для войны. А я вёл войну.

— Тьяго, мальчик мой. Какой у тебя дальше план? — отец сидел за столом, склонившись над картой мира. Булав-

ки, цветные метки, стрелки — всё это было его языком, его способом видеть мир. Он не смотрел на меня, боялся, что если поднимет глаза, то увидит во мне не сына, а кого-то чужого.

Я сидел на краю стола, покачивая в руке стакан с виски. Янтарная жидкость плескалась, отражая свет лампы, и на секунду мне показалось, что там, в этом отблеске, мелькает её лицо. Талия.

— Планы большие, отец, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без надрыва. — Сначала Ирландия и Великобритания — там слабые звенья, старые долги, которые пора взыскать. Потом Италия. Дальше начнём штурмовать Южную Америку. А затем... затем пойдём прямо к Кристиану.

Отец наконец поднял на меня взгляд. В нём не было одобрения, но и не было отказа — только что-то похожее на боль.

— У меня только один вопрос. Это ради клана... или ради неё?

Я чуть прищурился, от его слов вдруг стало слишком светло.

— Ну что за вопросы. Конечно, ради клана. Это чистая правда. А она... она будет моим бонусом, когда Кристиан падёт.

Слова легли на стол между нами. Я почти поверил в них. Почти.

— Власть тебя ослепляет, — вмешалась Айрис. Её голос

прозвучал резко, как щелчок кнута.

Она стояла у двери, прямая, собранная, в красном костюме, который делал её похожей не на женщину, а на острый клинок. После развода в прошлом месяце она стала нашим главным советником — человеком, который зачищал территорию от ненужных людей, убирал хвосты и закрывал дыры в обороне. Теперь между нами не было ничего личного. Только работа. И только правда — даже если она резала.

— Айрис, твоё дело — выполнять приказы и решать незначительные вопросы, — бросил я, не глядя на неё.

— Я делаю свою работу, — спокойно ответила она, подходя ближе. Каблуки чеканили по полу, отсчитывая секунды до взрыва. — И сейчас я вижу, что тобой движет не желание сделать клан сильнее. А месть.

Я резко повернулся к ней, и в этом движении было столько напряжения, что воздух сгустился.

— Это уже мои дела.

— Нет, дорогой. Если ты начнёшь тонуть, то и мы все пойдём ко дну.

— Не нагнетай, а? — рявкнул я. Но она даже не дрогнула. Только чуть приподняла бровь — так, как умела только она: с этой смесью презрения и заботы, от которой хотелось одновременно выгнать её и обнять.

Я встал, и вышел на балкон. Ночной воздух ударил в лицо, пытаясь остудить жар, который никак не уходил. Заходящее солнце окрашивало небо в багровые тона, само небо знало,

что скоро прольётся кровь. Где-то там, за этими огнями, за этими улицами, сейчас она. Талия. Думает ли она ещё обо мне? Согласилась бы бросить всё и уехать, если бы я пришёл за ней прямо сейчас?

За спиной послышался стук каблуков. Айрис встала рядом нарушая молчания:

— Это было сегодня. Сегодня она стала его женой. И сейчас она в его доме... в его постели. Готов ли ты будешь подобрать после него?

Её слова ударили точно в цель, в то самое место, которое я прятал даже от себя. Я сжал кулаки так, что побелели костяшки, а кольцо впилось в кожу.

— Я был её первым. Это он подбирает моё. Я просто заберу своё.

— Главное, чтобы к тому моменту она осталась твоей, — тихо добавила Айрис, и в её голосе не было ни язвительности, ни вызова.

Я не ответил. Просто смотрел, как последние лучи солнца гасли в небе, и пытался удержать в голове одну мысль: месть — это не чувство. Это стратегия. Холодный расчёт. И я сыграю её до конца.

Но где-то глубоко внутри, там, куда я не пускал никого, царапалась другая правда: я шёл не просто за властью. Не просто за кланом. Я шёл за ней. И если ради того, чтобы вернуть Талию, мне придётся разрушить полмира — я это сделаю. Без колебаний. Без сожалений.

Потому что она — единственное, что ещё заставляло моё сердце биться так, будто оно хотело вырваться из груди и полететь туда, где она сейчас. Даже если этот путь вёл прямо в ад.

Глава 2. Кристиан

Первые дни брака оказались тяжелее, чем я ожидал. Я знал, на что иду, понимал, что Талия не сдастся просто так. Но не думал, что она начнёт испытывать моё терпение с такой скоростью — будто нарочно искала трещины в моей броне, чтобы бить точно в них.

— Не думал, что ты такой терпеливый, — усмехнулся Рикардо, развалившись в кресле и поигрывая зажигалкой.

— Думаю, это исключительно его дело, — отозвался Марко, спокойный, собранный, единственный, кто не пытался превратить мой брак в повод для дешёвых шуток.

— Её просто нужно усмирить. Кристиан, у тебя выдержка, конечно, хорошая. С такой женой я бы первые месяцы вообще из кровати не вылезал, — ехидно оскалился Алекс.

Алекс был тем ещё типом — не пропускал ни одной юбки, но при этом оставался отличным работником. Иногда я думал, что именно эта его бесстыжая наглость и делала его полезным: он не боялся заходить туда, куда другие не решались.

— Алекс, закрой рот, — отрезал я, не повышая голоса, но так, что в комнате стало на пару градусов холоднее. — Это моя жена. И, Рик, о моём терпении ты должен знать как никто другой — раз до сих пор жив.

Рик громко рассмеялся, но тут же оборвал смех под мо-

им пристальным взглядом. Он знал цену этим шуткам. Знал, что я могу простить многое, но не переступал черту. Пока.

— Итак, что у нас? — обратился я к Марко. Из всей этой компании он был самым вменяемым.

Он протянул мне папку:

— Ситуация с южными складами выходит изпод контроля. Люди Альвареса дважды проехали мимо. Это не случайность.

Я не торопился, просматривая каждую деталь отчёта. Пальцы скользили по строчкам, а перед глазами вставляли маршруты, точки пересечения, слабые места. В этом мире слабые места стоили жизнью.

— Прощупывают, — наконец произнёс я. — Значит, думают, что у нас появились слабые места. Хотят проверить, насколько мы уязвимы.

— У них новый поставщик через порт. Если они закрепятся там, наши маршруты станут дороже, а сроки — рискованнее.

Я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как напряжение стягивает плечи.

— Значит, нужно сделать так, чтобы они поняли: мы не ищем войны, но и не позволим диктовать условия. Марко, свяжись с капитаном. Предупреди: если хоть один контейнер с их меткой пройдёт без нашего ведома, он потеряет не только работу, но и возможность спокойно спать по ночам.

— Сделаю. Но это только отсрочит проблему. Альварес

не из тех, кто отступает после пары предупреждений.

— Я и не жду, что он отступит, — я провёл ладонью по столу, будто стирая невидимую пыль. — Я жду, что он сделает следующий шаг. И когда он это сделает, мы будем готовы. Мне нужно знать, кто из его людей колеблется, кто недоволен. В каждой стае есть тот, кто хочет выжить, а не быть героем. Найди таких.

— Мы работаем над этим. Есть пара имён. Но если Альварес почувствует, что мы копаем под его людей. Тогда он может ударить первым.

— Пусть чувствуют. Пусть суетится. Суэта делает людей предсказуемыми, а предсказуемость — это уязвимость.

В этот момент на столе тихо завибрировал телефон. Я бросил на него короткий взгляд и снова перевёл его на своих людей.

— Ещё одно: отец Талии хочет встречи. Говорит, что не может спать спокойно, пока не увидит дочь.

Марко поморщился, будто услышал что-то неприятное:

— Этот человек продал собственную дочь, чтобы закрыть долги, а теперь хочет сыграть роль заботливого отца. Это даже не смешно.

— Это не смешно, — согласился я. — Но он — часть уравнения. Пока он жив и на свободе, он может быть либо нашим рычагом, либо проблемой. Рико, проверь, с кем он встречался за последние три дня. Узнай, не пытается ли он искать союзников за моей спиной.

— Сделаю.

Я встал, давая понять, что встреча подошла к концу.

— И ещё: никто не должен знать о поездке в Испанию. Ни слова. Если кто-то спросит — я на переговорах с поставщиками. Точка.

— Понял. Но вы уверены, что сейчас самое время отвлекаться на это?

Я на секунду замер. В голосе появился оттенок, который мои подчинённые редко слышали, — не угроза, а почти личное признание:

— Это не отвлечение. Это страховка. Пока Талия верит, что Тяго в безопасности, она не будет делать глупостей. А если она начнёт делать глупости, у Альвареса появится ещё одна лазейка. Мы не можем позволить себе ни того, ни другого.

Я подошёл к окну и посмотрел на город. Для меня он был не просто местом, а полем битвы, где каждый квартал имел свою цену. Где даже тень могла скрывать угрозу.

— Мы держим всё под контролем. Даже то, что кажется неподконтрольным.

— Сделаем всё, как скажете, дон Кристиан, — Марко встал, собираясь уходить.

Когда дверь за ними закрылась, я ещё несколько секунд постоял у окна. Затем достал телефон, открыл тот самый чат с отчётом по Испании и написал одно короткое сообщение:

«Держать дистанцию. Никаких контактов. Только на-

блюдение».

Только после этого я позволил себе на секунду закрыть глаза. Тяжесть решений, где не было правильных ответов, а были только последствия.

Я сел обратно за стол, открыл папку с пометкой «Альварес» и снова пробежал глазами по строчкам: маршруты, люди, слабые звенья. Всё выглядело логично. Всё выглядело правильно. Налоги в нашем деле — как карта шторма: она показывает, где берег, но не гарантирует, что ты до него доплывёшь.

«Найди тех, кто хочет выжить, а не быть героем», — сказал я Рику, и это была чистая правда. В этой игре героями становились только мёртвые, а мне нужно было, чтобы все оставались живыми — хотя бы настолько, чтобы держать линию.

Потом я открыл другой файл — тот, который не должен был лежать здесь, среди отчётов о ставках и процентах. Фото с камеры наблюдения: улица, солнечный свет, Тяго за столом. Обычная сцена, обычная жизнь. И от этого она казалась почти преступлением, потому что у меня такой не было.

Отец Талии — вот ещё один узел, который хотелось просто перерезать. Человек, который продал собственную дочь, чтобы закрыть долги, а теперь хотел увидеть её, убедиться, что она в порядке. Как будто можно было стереть то, что ты сделал, одним взглядом. Как будто можно было вернуть право выбора, просто посидев рядом.

— Хватит, — сказал я вслух отгоняя эти мысли. — Сейчас не время для моральных терзаний. Сейчас время для решений.

Я взял телефон и набрал Рико:

— Рико, слушай: по отцу Талии никаких встреч, пока я не скажу.

— Понял, сделаем.

«Держи слово», — повторил я про себя, как мантру. Потому что это была правда. Потому что если я перестану в это верить, то не смогу смотреть ей в глаза. Даже когда она смотрит на меня с презрением, мне кажется, что в этом презрении есть что-то честное. Что-то, чего не было в улыбках моих союзников и клятвах моих врагов.

Марко ворвался без стука в мой кабинет:

— Кристиан, есть коечто. Только что пришло. Наши люди добыли информацию. Дьявол, который стал доном клана Чарлинес.

Я не поднял голову. Не потому, что мне было всё равно, а потому, что не хотел, чтобы он видел, как на меня это действует.

— Ты уверен?

— Три источника. Все подтверждают. Старый дон отошёл, передав власть Тяго, это его сын — ближайший наследник. Совет клана уже признал его.

Клан Чарлинес — не самый крупный, но с глубокими корнями, давними связями и традициями, которые ценили

больше золота. Если Тяго стал их доном, он перестал быть беззащитным мальчишкой, которого можно было припугнуть. Он стал игроком — равным или, может быть, даже опаснее, потому что у него есть то, чего нет у меня: повод для ненависти.

— Мои угрозы теряют смысл. Я не смогу угрожать дону целого клана. Это не тот человек, которого можно держать на поводке.

— Именно. Есть ещё кое-что: если Тяго узнает, что мы держали его имя как рычаг давления на Талию, он не просто обидится. Он придёт со своими людьми, и это будет не разговор, а война.

Я кивнул. Марко был прав. Я и сам это понимал. Пока Тяго был никем, моя угроза работала. Но стоит ему получить власть — и карта переворачивается. Если она узнает, что ему больше ничего не угрожает, она перестанет бояться. А страх был единственным, что удерживает её.

Стук в дверь разорвал тишину кабинета.

— Кристиан! Талия пошла в сад, снова никого не предупредив. Пока я её искала, вся разволновалась. Я понимаю, что ей тяжело, но мне не пятнадцать, чтобы следить за каждым её шагом! — ворвалась Дженни, тараторя без остановки. В её голосе слышалась не просто тревога — в нём была настоящая паника.

Я достал бархатную коробочку из ящика стола и направился к выходу в сад. Нашёл её возле озера: она сидела на

берегу и смотрела на своё отражение. Её плечи были напряжены, а пальцы сжимали подол платья так сильно, что руки побелели до локтей.

— Талия?

Она вздрогнула, будто забыла, что не одна, и медленно подняла голову. В её глазах я увидел столько боли и злости, что на мгновение мне стало нечем дышать.

— Что, я опять что-то сделала не так?

— Дженни волновалась, пока искала тебя. Талия, это теперь не тот мир, в котором ты жила. Здесь опасно.

— Даже в твоём доме?

— Пока ты одна — да.

— Когда ты наконец вызовешь меня и мы обговорим правила? Что я могу и чего не могу? Прошло уже несколько дней, а ты просто меня игнорируешь. Я хожу по этому дому и не понимаю, что мне можно, а что нет.

Я достал из кармана коробочку и протянул ей:

— Держи. Это тебе.

Она взяла её, но не открыла. Просто повертела в пальцах, не зная, что с ней делать.

— Я понимаю, тебе тяжело. И тебе нужно время, чтобы привыкнуть. Но не испытывай моё терпение.

— Да пошёл ты! Я потеряла свою жизнь изза твоей прихоти.

Её слова ударили точно в цель. Я сжал кулаки, но заставил себя говорить ровно:

— Поверь, не будь ты со мной, ты бы ещё долго сталкивалась с лицемерием.

— Это лицемерие было по твоему приказу! Ты сказал родителям, чтобы они относились ко мне хорошо.

— Это плохо?

— Да! Так бы я не строила иллюзию, что мать способна на перемены и что я ей не безразлична.

— А твой милый Тяго?

— А что он?

— Ты бы так и оставалась в неведении, кто он и кем является.

— И что? Может, это обошло бы нас стороной.

— Он бы не развёлся с ней, и ты всю жизнь была бы его любовницей в той квартире.

— Развёлся бы.

— Нет. И из этого мира просто так не выйти. Особенно полу противоположному твоему.

Она вскочила на ноги и собралась уйти, но я перехватил её запястье и притянул к себе. Она пыталась вырваться, но я крепче сжал ее руку.

— Сегодня в пять — ужин. Оденься прилично. Я познакомлю тебя с людьми, к которым ты можешь обращаться в случае чего, с теми, кто будет тебя защищать и оставаться рядом. И ещё: подготовься к вечеру. Пора узаконить наш брак.

Её тело будто парализовало. Казалось, она даже не могла сдвинуться с места. Её глаза расширились, а губы чуть при-

открылись, она хотела что-то сказать, но не могла найти слов.

— Тебе пора привыкать к мысли, что я буду участвовать в жизни этого ребёнка как его отец. Даже если тебе это не нравится. — я положил руку ей на живот.

— Он только мой, — прошептала она, и в этом шёпоте было столько боли, что мне захотелось отпустить её, обнять, сказать, что всё будет хорошо. Но я не мог. Не сейчас.

Мне не нравилось быть для неё козлом. Но сейчас она не примет моё хорошее отношение. Слишком гордая. Будем действовать постепенно.

Я кивнул Алексу, который стоял неподалёку:

— Забери её в комнату. И чтобы не выходила до пяти.

Она вырвала свою руку из моей хватки и направилась в сторону дома, прямая, как натянутая струна, готовая в любой момент лопнуть.

— Твой отец хотел встречи. Я согласился. Нельзя же рушить родственные связи, — крикнул я ей вслед, прежде чем успел подумать.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Слова повисли в воздухе. Зачем я это сказал? Зачем вообще её провоцирую? Веду себя как подросток в пубертате, у которого вместо аргументов — колючки.

Талия даже не обернулась. Просто шла вперёд, прямая, будто каждое слово, которое я бросаю ей в спину, ударялось о невидимую броню и падало к её ногам бесполезным мусором.

Я позвонил Рико и попросил подойти к озеру. Пока ждал его, смотрел на воду. Что она видела в своём отражении? Хотела ли найти лазейку, чтобы сломать меня? И догадывалась ли, что она и так уже сломала?

Каждая её истерика режет по живому. Каждый её отказ делает больно. Разве я виноват, что полюбил её и не смог жить без неё? Даже позволил встречи с тем ублюдком в надежде, что мне станет противно от того, что она уже не будет полностью моей. Но чувства не проходили. Они становились только сильнее, а незнакомое чувство ревности разрывало изнутри.

— Звал? — голос Рико прозвучал неожиданно, и я чуть вздрогнул, возвращаясь в реальность. Он стоял в паре шагов. В этом была его ценность: он никогда не лез с вопросами, если их не задавали.

— Подготовь рекомендации для Талии: что ей можно и нельзя. К трём чтобы у меня был на согласовании. И, сука, найди что-нибудь на Тяго и на её отца. Я хочу уничтожить их.

Рико кивнул, не моргнув и глазом. Для него это были не эмоции, не драма — это была работа. И в этой отстранённости было что-то почти утешительное.

— Будет сделано, — коротко бросил он, развернулся и ушел.

Когда он ушёл, я снова остался один на один с тишиной и рябью на воде. Озеро будто смеялось надо мной: гладь каза-

лась такой спокойной, такой безмятежной, а под ней наверняка шевелились тёмные течения, готовые утянуть на дно.

Я провёл ладонью по лицу, стирая невидимую усталость.

«Я не пытаюсь её сломать, — мысленно повторил я, пытаясь убедить самого себя. — Я пытаюсь её удержать. В этом мире, где каждый второй хочет её использовать, я единственный, кто может её защитить. Даже если она ненавидит меня за это».

Но в глубине души я понимал: защита — это не только стены, не только люди с оружием и закрытые ворота. Защита — это ещё и правда. А я сегодня солгал. Не кому-то чужому, а ей. И эта ложь легла между нами ещё одним кирпичиком в стену, которую я сам же и строил.

Я посмотрел на воду, пытаюсь разглядеть в отражении хоть какой-то намёк на правильный путь. Но видел только себя — усталого, злого, запутавшегося мужчину, который слишком много должен.

«Ладно, — подумал я, заставляя себя собраться. — Сначала порядок. Сначала контроль. А потом... потом я попробую говорить с ней честно. Хоть раз. Если она вообще захочет меня слушать».

Я смотрел, как рябь на воде медленно затихает, и думал о том, что самое страшное в этой войне — не враги, не пули, не предательство. Самое страшное — это когда ты не знаешь, как защитить её.

Время приближалось к пяти. Правила для Талии были согласованы, отпечатаны, проверены трижды — и всё равно я волновался, как мальчишка перед первым свиданием. Моё тело сотрясала нервная дрожь: я то застёгивал, то расстёгивал манжету, то поправлял запонки, будто от того, насколько ровно они сидят, зависело, примет ли она эти правила... или выдвинет свои. А если выдвинет — что тогда? Я ведь не мог уступить в главном: в её безопасности. Но и сломать её гордость не хотел.

— Кристиан, милый. Талия уже спускается, — Дженни вошла в кабинет бесшумно и остановилась в дверях, глядя на меня с той смесью строгости и нежности, с которой когда-то вытирала мне разбитые колени и отчитывала за очередную глупость.

— Спасибо. Уже иду, — бросил я, не оборачиваясь. Потому что Дженни знала меня слишком хорошо. Она увидит эту уязвимость даже через мой затылок. И я не хотел, чтобы сегодня она её видела.

— Будь с ней мягче, — она подошла ближе, но не тронула, не положила руку на плечо — просто стояла и смотрела, пытаясь вложить в этот взгляд всю ту мудрость, которую накопила, вытаскивая меня из передраг. — Она чувствует себя загнанной в ловушку. Ты знаешь, я была против этого брака. Но я всё равно рада, что твоё сердце не окаменело. Не ломай её. Она не твоя работа. Не твои подчинённые. Если хочешь, чтобы однажды она почувствовала к тебе то же, что и ты к

ней, будь чуть мягче. И не пытайся её провоцировать.

Я всё же повернулся к ней. Было глупо прятать от неё свои чувства. После смерти отца именно Дженни взяла на себя обязанности не просто экономки, а той, кто не даст мне окончательно потерять человеческий облик. Она воспитывала меня, поддерживала, когда мать, глядя на меня, видела лишь черты отца — и ненавидела их. Когда я стал старше, на мои плечи легло не только отцовское наследство, но и забота о Нейтлин, пока матери нужны были только деньги.

— О чём ты? — спросил я, хотя прекрасно понимал.

— О том, что ты ей сказал про отца. Я слышала. Но я также знаю, что ты не позволишь этой встрече состояться. Ты полюбил её ещё тогда, когда она прибегала к нам маленькой, была подругой Нейтлин. Потом чувства стали уже не как к сестре. Ты полюбил её по-настоящему, когда она расцвела. И Нейтлин всегда рассказывала тебе, что творится у неё в семье. Ведь ты не давал ей сломаться окончательно, контролируя её родных.

— Дженни, всё. Не хочу об этом думать сейчас. Не перед встречей с ней.

— Именно сейчас и нужно об этом подумать, чтобы не натворить глупостей во время ужина.

Я ничего не ответил, просто прошёл мимо и направился в столовую. Дженни тихо вздохнула мне вслед, но не стала удерживать.

Талия стояла возле стола и смотрела на сервировку, пыта-

ясь прочесть в расположении приборов и бокалов свою судьбу. Она была прекрасна — и в этой красоте было столько хрупкости, что у меня внутри всё сжималось.

— Почему не садишься? — спросил я, первым нарушая тишину.

— Не знаю, позволено ли мне это, — ехидно парировала она, но в этом ехидстве я услышал не столько дерзость, сколько попытку защититься.

В моменты, когда она не переходила границы, мне это даже нравилось. Я подошёл ближе и отодвинул для неё стул. Она села, а я направился к своему месту — на противоположном конце стола. Я специально выбрал такое расположение: не хотел смущать её своим присутствием ещё больше.

— Поужинаем или сразу приступим к обсуждению?

— Давай я сначала прочту, а в процессе трапезы мы будем обсуждать, что для меня приемлемо, а что нет.

Я кивнул и подал знак Марко. Он молча подошёл и положил перед Талией папку с правилами, но ручку оставил у себя — предусмотрительно. Но рядом с ней лежали ножи. Я усмехнулся про себя: да, она могла бы попытаться, если бы захотела. Но я знал — она не станет. Не сейчас.

Она начала читать, и я видел, как её брови всё сильнее сдвигаются к переносице, как в глазах разгорается тот самый упрямый огонёк, который я успел выучить.

— Я не заложница, — резко произнесла она, подняв на меня взгляд, в котором смешались обида и вызов.

— Нет. Но это твоя безопасность, — спокойно ответил я, хотя внутри всё кипело. Она дошла до пункта, где говорилось, что она не имеет права выходить за пределы территории без моего ведома, а на территорию особняка — без ведома Дженни или Алекса.

— Я не хочу, чтобы моим сопровождающим был Алекс. Он меня пугает, — проговорила она, и в её голосе впервые прозвучала не бравада, а настоящая уязвимость.

Она была права: Алекс не тот человек, с кем я хотел бы оставлять её. Но Рико и Марко пока были нужны мне для других дел.

— Через пару недель мы найдём замену. Рико или Марко, — сказал я, стараясь звучать твёрдо, но не жёстко.

Марко перевёл на меня взгляд явного недовольства. Ему не хотелось быть «нянькой». Но он не понимал, что она для меня значит.

— Почему тут нет пункта про супружеский долг? — вдруг спросила Талия, глядя мне прямо в глаза, проверяя, дрогну ли я.

— Потому что я от тебя его не требую, — ответил я без колебаний.

Она посмотрела на меня с явным недоверием, и я продолжил:

— Пойми, ты сейчас не в том положении, чтобы меня удовлетворять. Я не могу делать с тобой то, к чему привык, из-за беременности.

Её лицо исказилось гримасой отвращения — не от слов, а от самой ситуации, от того, как грубо и безжалостно мир расставил нас по своим местам.

— Ладно. Могу я помогать Дженни на кухне? Мне скучно. Я не знаю, чем себя занять.

— Если не попытаешься меня отравить, то да.

— А так хотелось, — она показала мне язык — и в этом детском жесте было столько жизни, столько непокорности, что я едва сдержал улыбку.

Но вот Рико сдерживать себя не стал — он заржал во весь голос, чем напугал Талию.

— Познакомься, это Рико. Он не всегда серьёзен в некоторых вопросах, поэтому не обращай на него внимания. Но что касается защиты — он один из лучших.

— То есть Марко, Рико и Алекс — это твой ближний круг, и они будут находиться рядом всегда?

— Да. Остальную охрану ты видеть не будешь. По крайней мере, я сделаю так, чтобы они не попадались тебе на глаза.

— Если тебе нечем заняться, можешь продолжить учёбу на высшую степень, — неожиданно предложил Марко, от чего я едва не потерял дар речи. Этот сукин сын даже не обсудил это со мной.

— Как вариант, — пробормотала Талия пробуя слова на вкус. — Но всё же я хочу проводить больше времени в библиотеке и с Дженни на кухне. Остальные меня пугают. Как и ты.

— Талия! — предупредил я, чтобы она не переходила границы.

— Молчу. Хорошо. Я согласна. Но если у меня будут какие-то идеи, я подойду ещё к тебе.

— Если идеи касаются дома — не подходи. За пределами территории требую полного согласования.

— Я могу идти? — Талия резко встала из-за стола и направилась к лестнице.

— Прошу, доешь ужин. Я хочу быть уверен, что ты сыта. Она собиралась вернуться к столу, но вдруг резко согнулась пополам и упала на пол, держась за живот. Я вскочил со своего места так быстро, что стул с грохотом опрокинулся.

— Талия, милая, с тобой всё в порядке? — кричал я, но она не отвечала, только плакала — так тихо, что, если не смотреть на её лицо, этого можно было даже не понять.

Я подхватил её на руки и понёс в комнату.

— Вызовите Хариша. Срочно!

Войдя в комнату, я положил её на кровать и накрыл одеялом. Гладил по волосам и шептал, словно слова могли удержать реальность на расстоянии:

— Тшш... Сейчас приедет доктор. Всё будет хорошо. Не переживай, с вами всё будет хорошо. Я не позволю случиться плохому. Обещаю.

Спустя полчаса приехал доктор Хариш и провёл осмотр. Он сказал, что завтра ей нужно в больницу для дополнительного осмотра, но пока её жизни и жизни ребёнка ничего не

угрожает. Просто стресс. До завтра — постельный режим.

Я проводил его до выхода и направился на кухню к Дженни.

— Я хочу сделать для неё чай. И что-нибудь сладкое. Она любит медовик.

Пока я заваривал чай, Дженни молча положила в тарелку кусочек торта. Я взял поднос и направился к Талии. Постучал в дверь и не входил, пока она не сказала, что можно.

Я сидел рядом, пока она пила чай и ела кусочек медовика. Потом укрыл её одеялом и поцеловал в макушку.

— Спокойной ночи, моя милая Талия. И не пугай меня больше.

— Спокойной ночи, — тихо прошептала она.

Я уже направился к двери, но она снова окликнула меня:

— Кристиан.

— Да?

— Спасибо. Я думала, что ты позволишь ему умереть.

— Я не позволю умереть тем, кто делает тебя живой. Ни твоему ребёнку. Ни даже Тяго.

— Спасибо, — она закрыла глаза, и я увидел, как напряжение медленно покидает её тело.

Мне было больно от того, что я согласился не уничтожать Тяго, но пока он был жив — её состояние оставалось в норме. И это было единственным, что имело значение.

Сидя в кабинете, я пил виски. Рико, Марко и Алекс окружили меня, как коршуны, ждали, пока я скажу, что это был

за приступ нежности.

— Ты никогда не был мягким. Что она с тобой сделала? — спросил Марко. И от того, что это спросил именно он — человек, которому обычно были безразличны мои чувства, — мне стало даже страшнее, чем если бы это сказал Рико. Ведь Марко понимал: от моих чувств зависит моя работа, и сейчас они стали моей лазейкой для врага.

— Она не виновата. Виноват только я. Я позволил себе больше, чем мне положено. Позволил себе любить.

Рико хмыкнул, будто хотел что-то сказать, но передумал. Марко просто кивнул, принимая этот ответ как факт, который нужно учитывать в расчётах. Алекс молчал — впервые за долгое время.

Я посмотрел на янтарную жидкость в бокале, на то, как она медленно перекачивается от одного края к другому, и подумал, что раньше моя жизнь была простой: враги, сделки, угрозы, контроль. А теперь в ней появилась одна хрупкая переменная, которая могла разрушить всё и сделать меня человеком.

— Завтра, — произнёс я, ставя бокал на стол с чуть более громким стуком, чем требовалось. — Завтра мы усилим охрану вокруг больницы. И пусть кто-нибудь из людей Хариша будет рядом с ней всё время. Никаких исключений.

— Сделаем, — коротко бросил Марко, и в этом «сделаем» я услышал не просто согласие, а обещание, что они прикроют мою спину, даже если я сам перестану её видеть.

Когда они вышли, я остался один. Тишина кабинета давила, но я не включал свет — пусть темнота скроет то, что я не хотел признавать даже сам себе: я боялся. Не за себя. За неё.

Глава 3. Талия

Белый свет смотрового кабинета резал глаза так, что приходилось жмуриться, будто это могло хоть немного приглушить ту боль, что нарастала внутри. Я сидела на жёсткой кушетке, плотно обхватив себя руками, словно эта поза могла стать хоть какойто защитой от паники, поднимавшейся откуда-то из самых глубин.

Доктор Хариш, с усталым лицом и глубокими морщинами под глазами, водил датчиком ультразвукового аппарата по моему животу. Его движения были точными, выверенными, но в них была какаято обречённость. Наконец он отложил прибор и тяжело вздохнул. Пальцы на секунду замерли над клавиатурой, я видела как он подбирал слова, которые не причинили бы ещё большей боли.

— Талия, нам нужно серьёзно поговорить о результатах скрининга, — произнёс он наконец. — Помимо общего истощения и последствий тяжёлого стресса, мы выявили специфическую патологию течения беременности. Плацентарная недостаточность вкупе с аномальным расположением сосудов. Организм работает на пределе, и риски возрастают ежедневно. Любое эмоциональное потрясение может стать критическим не только для ребенка. Вам необходим абсолютный покой.

Внутри всё рухнуло. Мир на мгновение замер, а потом

снова пошёл ходуном, только теперь всё в нём было не на своих местах. Но лицо осталось неподвижным — привычная защитная маска, выкованная годами жизни с мамой, сработала мгновенно, как рефлекс. Я кивнула, сухо поблагодарила врача и вышла из кабинета.

Ребёнок, чей отец оставался где-то там, в туманном прошлом, теперь ощущался не как надежда, а как угроза. Патология. Риск. Враг для моего собственного тела.

Стоило завернуть за угол, в полумрак пустой запасной лестницы, как колени подкосились, и я сползла по стене на пол. Тишина здесь была особенной, словно сама лестница прятала чужие слёзы и чужую боль. Я сидела, уткнувшись лбом в колени, и пыталась унять дрожь, которая начиналась где-то в груди и расползалась по всему телу. Время застыло, и в этой неподвижности было даже какое-то облегчение: никто не смотрел, никто не требовал ответов, никто не пытался меня «спасти».

Но долго прятаться не получилось. Через несколько минут дверь в коридор приоткрылась, и на пороге возник Алекс.

— Кристиан велел отвезти тебя домой, — коротко бросил он, даже не пытаясь сделать голос мягче. — Пойдём. Машина ждёт у служебного выхода.

Я не хотела идти с ним. Не хотела вообще никуда идти. Но я медленно поднялась, цепляясь за стену, и кивнула.

Мы шли молча. Он шёл впереди, чуть отстранившись, а я

плелась следом, чувствуя, как каждый шаг даётся всё тяжелее. В груди всё ещё гулко стучало, а в голове крутились слова доктора: «абсолютный покой», «риски возрастают», «любое потрясение может стать критическим». И рядом с этими словами, как насмешка, стояло лицо Кристиана — его скулы, взгляд, в котором тревога боролась с жёсткостью.

Служебный выход вывел нас в узкий переулок, где пахло мокрым асфальтом и выхлопными газами. Чёрный внедорожник стоял у обочины, мотор тихо урчал, как сытый хищник. Алекс открыл заднюю дверь и жестом показал, чтобы я садилась. Я замешкалась на секунду, вдыхая сырой воздух, пытаясь удержать этот момент, когда я ещё не внутри, ещё не заперта в четырёх стенах.

Потом всё-таки села. Дверь захлопнулась, и машина плавно тронулась.

Всю дорогу я смотрела в окно, на мелькающие огни и размытые силуэты домов, пыталась убедить себя, что всё нормально. Но внутри всё сжималось от какого-то звериного, интуитивного чувства. И сейчас оно шептало: «Он не чист. Он что-то задумал».

Алекс изредка поглядывал на меня в зеркало заднего вида. Не с сочувствием, не с интересом — скорее как человек, который выполняет поручение, но не понимает, зачем оно ему нужно. Его пальцы легко лежали на руле, движения были расслабленными, почти ленивыми. В нём не было напряжения, но в этом спокойствии чувствовалась сила — и го-

товность её использовать.

— Кристиан не любит, когда заставляют ждать, — вдруг произнёс он, оправдываясь за то, что мы едем слишком медленно. Или, наоборот, слишком быстро. — Он сейчас на взводе.

Я ничего не ответила. Не хотела давать ему ни слова, ни взгляда, ни намёка на то, что мне не всё равно.

— Ты не обязана его понимать, — добавил Алекс чуть тише, и в его голосе проскользнуло что-то, чего я не ожидала — не сочувствие, но какое-то странное, почти циничное понимание. — Но он делает то, что считает нужным. Даже если это выглядит как жестокость.

— Не надо его оправдывать, — прошептала я, не отрывая взгляда от окна. — Я не хочу слушать.

Он хмыкнул, ожидая такого ответа, и снова замолчал.

Город медленно менялся: узкие переулки сменялись широкими проспектами, яркие витрины — тёмными фасадами старых домов. Постепенно знакомые улицы уступали место району, где стоял особняк Кристиана: высокие заборы, редкие фонари, тишина, которая казалась неестественной, как в декорациях к фильму.

Когда машина остановилась у кованых ворот, я почувствовала, как внутри всё сжалось ещё сильнее. Дом был большим, дорогим, ухоженным — и всё равно казался мне не убежищем, а ловушкой. Ворота медленно разъехались в стороны, и внедорожник въехал на подъездную дорожку.

Алекс вышел первым, открыл мою дверь и протянул руку. Я проигнорировала жест и выбралась сама, чувствуя, как холодный воздух немного отрезвляет.

Холл встретил меня тишиной и тёплым светом камина. Кристиан стоял возле огня, смотрел на пламя, и плечи его были напряжены так, будто он держал на себе весь этот дом. Он уже всё знал — в этом проклятом доме секретов от его людей не существовало.

И в этот момент я вдруг поняла: лестница, переулок, машина, Алекс — всё это было лишь переходом. Коротким коридором между «до» и «после». А настоящая битва начиналась здесь. Прямо сейчас.

— Как осмотр?

— Нормально.

— Нормально?

— Да.

— Почему я узнаю обо всем из отчётов врача, а не от тебя?

— Он шагнул навстречу, и в его голосе тревога смешивалась с жестокостью, как кислота с водой.

Внутри меня вскипела ярость. Тошно было от его заботы, от стен этого дома, от его удушающего контроля, который казался мне не защитой, а клеткой.

— Тебя не должен волновать ребёнок! — сорвалась я на крик, отступая к стене. — Хватит ходить за мной по пятам! Хватит смотреть на меня так, будто я стеклянная! Думаешь, купишь меня своими стерильными палатами, подарками и

единожды принесённым чаем?

Кристиан замер. На секунду в его глазах мелькнула боль — настоящая, такая, которую не скроешь за холодом и приказами. Но он тут же заковал себя в броню, надел невидимые доспехи.

— Ты разрушаешь себя, Талия. И его тоже, — тихо бросил он, делая шаг ко мне.

— Не подходи! — взвизгнула я, задыхаясь от собственной злости. Я сама не понимала, что творю. Мне нужно было, чтобы он закричал, сорвался, ударил, оправдал образ монстра, которого я сама же и рисовала в своей голове. Но он стоял с этим невыносимым, бесконечным терпением, и от этого становилось только хуже.

— Ненавижу тебя! Ненавижу твою опеку, твой дом, твой контроль! — слова летели, как осколки, и ранили даже меня саму.

Не выдержав, Кристиан резко подался вперёд. Его кулак с глухим грохотом врезался в полированную крышку стола, заставив подпрыгнуть стоявшую там вазу.

— Хватит, — прошептал он сквозь зубы, и в этом шёпоте было столько надлома, что я захлебнулась словами и замолчала.

Он развернулся и ушёл, хлопнув парадной дверью так, что дом вздрогнул. А я опустилась на холодный мрамор, глядя в пустоту и не понимая, что происходит со мной. Как справиться с тем, что сейчас называлось моей жизнью.

Дом замер в тишине. Кристиан исчез. А я оставалась в полном неведении — о том, что происходит за стенами особняка, и живёт ли вообще мир за пределами этих комнат.

Я поднялась на дрожащих ногах и побрела в свою спальню. Комната встретила меня полумраком, который казался почти враждебным. Я металась по пустой спальне, сгорая от чувства вины. Никогда раньше я не позволяла себе срываться. Я умела держать удар, умела выживать в аду, а теперь превратилась в истеричную, неуравновешенную женщину. Пытаться списать всё на гормоны или диагноз было жалко — я просто ломалась изнутри, и это было страшнее любой болезни.

Время на часах показывало восемь. Я пошла в душ. Стояла напротив зеркала и смотрела в своё отражение, надеялась увидеть там прежнюю себя — ту, которая улыбалась, строила планы, верила, что всё можно исправить.

Я стянула свитер и джинсы и вгляделась в своё отражение. Лицо было бледным, синяки под глазами не скрывал даже макияж. Кожа на руках обтягивала кости, а живот почти прилип к позвоночнику. Я себя теряла — не просто худела, а исчезала, растворялась в чужих планах и чужих решениях.

Сделав все водные процедуры, я легла в постель, не в силах больше выносить поток мыслей, который душил меня, и чувство вины, которое не давало ни секунды спокойствия. Утонув в усталости, я провалилась в сон.

Я проснулась по среди ночи и спустилась вниз в поисках

воды, замерла у приоткрытой двери кухни, услышав голос Дженни. Она напевала какуюто мелодию, тихую и простую, и она напомнила мне о детстве — о тех временах, когда мама ещё была весёлой и нежной, когда на кухне мы пекли оладьи, и мир казался добрым и понятным. В груди чтото защемило — не от тоски по матери, а от тоски по тем воспоминаниям, когда всё было подругому. Когда мне казалось, что в мире нет злых людей и пока мы спим, бегают радужные пони.

Я постучалась в дверь кухни.

— Дженни?

— Ох, милая, ты проснулась. Я заходила, но ты спала.

— Да... Чувство вины не давало мне покоя, и я решила поспать.

Она подошла ко мне и обняла. В этом объятии не было ни давления, ни требований — только тепло и тишина, в которой можно было выдохнуть. Мне стало так спокойно и тревожно одновременно. Я не понимала, почему с едва знакомым человеком мне так легко, мне казалось она знала обо мне чтото, чего я сама о себе не помнила.

— Я устала, — не заметив сама, начала всхлипывать.

— Я знаю. Тебе тяжело, — тихо сказала Дженни, глядя меня по волосам. — Но иногда не нужно тонуть только в своей боли. Нужно видеть и чужие проблемы. Не всё так просто, как кажется.

— Я не понимаю, — прошептала я, сильнее прильнув к ней.

— Тебе пока и не нужно. Придёт время — ты всё узнаешь и поймёшь. Просто пока старайся не делать глупости, чтобы потом тебе не было за них стыдно.

Её слова не давали ответов, но снимали хоть немного тяжести. Я закрыла глаза, вдыхая запах выпечки и уюта, и на секунду позволила себе поверить, что где-то в этом огромном холодном доме всё-таки есть уголок, где можно просто быть слабой — и тебя не осудят за это.

Тьяго

Я стоял перед ними, и каждый их взгляд прожигал насквозь — они не хотели видеть во мне капо, для них я все тот же мальчишка, который когда-то не смог удержать равновесие на скользких ступенях старого склада и кубарем скатился вниз, а потом краснел, пока старшие смеялись. Только теперь мне было не до смеха.

— Ты молод, — сказал Лоренцо, и в его голосе не было ни злости, ни жалости — только уверенность человека, который видел, как рушатся империи и как сгорают люди, слишком рано поверившие в свою неуязвимость. — Ты не видел войны. Не видел, как один неверный шаг превращает город в кладбище.

Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Это была маленькая, почти незаметная боль — она помогала держаться ровно. Помогала не сорваться на крик, не выдать, как внутри всё кипит.

— Зато я видел, как Кристиан забрал половину мира, — ответил я, глядя прямо на Лоренцо. — Видел, как он перекраивает границы, как заставляет даже мелких капо плясать под его дудку, они стали его марионетками. Я видел, как он забрал то, что должно было принадлежать моему дому. И я не собираюсь сидеть и ждать, пока он доберётся до остального.

В зале повисла тишина. Старейшины переглянулись — этот молчаливый обмен взглядами говорил больше любых слов: «Он горяч. Он глуп. Он сломается». Но я не собирался ломаться.

— Мы вернём своё, — продолжил я, и голос мой звучал твёрже, чем я чувствовал себя на самом деле. — Сначала — ослабление. Мы ударим по его тылам, по тем точкам, где он уверен, что его не тронут. Посеем сомнения среди его союзников. А потом, когда он станет уязвим, — нанесём удар. Такой, который он не сможет проигнорировать.

Лоренцо медленно наклонил голову взвешивая каждое моё слово, как золото на старых весах:

— Ты говоришь как человек, у которого есть план. Но, так же ты говоришь как человек, который забыл, что месть — это блюдо, которое подают холодным. А ты сейчас горишь.

— Я не забыл, — спокойно ответил я. — Но иногда огонь — единственное, что может растопить лёд. Кристиан привык, что все боятся его. Привык, что никто не посмеет встать у него на пути. Мы заставим его сомневаться. Заставим огля-

дываться.

Ещё один обмен взглядами. Потом Лоренцо кивнул — не одобрительно, но как человек, который признаёт: этот парень не отступит, даже если его будут отталкивать.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Мы дадим тебе шанс. Но помни: если ты поведёшь нас на погибель изза своей горячности, отвечать будешь ты. И не только своей жизнью.

Я склонил голову — не в поклоне, а в признаке того, что услышал и принял.

— Я помню.

Когда собрание закончилось, я вышел во двор. Здесь воздух был прохладнее, а небо казалось выше и чище, чем под низкими сводами зала. Я остановился у каменной стены, оперся на неё и на секунду закрыл глаза, позволяя себе выдохнуть напряжение, которое сжимало грудь последние часы.

И только тогда, когда вокруг не осталось ни старейшин, ни взглядов, ни ожиданий, я тихо прошептал, будто эти слова могли долететь до неё сквозь расстояния и стены:

— Прости, Талия. Но я не могу быть просто твоим бывшим. Теперь я капо. И эта война — моя.

Я не просил её понять. Не просил простить. Просто хотел, чтобы она знала: я не забыл. Но теперь у меня не было выбора.

Во дворе меня уже ждала Айрис. Она стояла, прислонив-

шись к стене, скрестив руки на груди, и смотрела на меня так, будто видела не капо, не будущего лидера, а того мальчишку, с которым когда-то прятался от грозы в старом сарае. В её взгляде было что-то, что всегда заставляло меня быть честнее, чем хотелось.

— Ну что, герой, — сказала она без улыбки, но и без насмешки. — Теперь ты официально в игре. Готов к тому, что эта игра сожрёт тебя?

Я хмыкнул, пытаюсь спрятать за этим звуком ту тяжесть, которая легла мне на плечи:

— Я готов к тому, чтобы выиграть.

Айрис оттолкнулась от стены и подошла ближе, но не слишком — боялась, что если подойдёт вплотную, то не сможет говорить то, что должна:

— Ты готов к тому, чтобы потерять себя. Это не одно и то же. Ты сейчас думаешь только о мести. О том, как ударить Кристиана так, чтобы он почувствовал. Но ты забываешь про Талию.

Я стиснул зубы:

— Я не забываю.

— Нет, забываешь, — спокойно сказала Айрис. — Ты делаешь вид, что помнишь, но на самом деле ты прячешь её в дальний угол, чтобы она не мешала тебе быть жёстким. Ты думаешь, что если признаешь, как много она для тебя значит, то это сделает тебя слабее. Но это не так. Это делает тебя человеком.

— Человек здесь не выживает, — бросил я, глядя куда-то поверх её головы, на тёмные крыши домов, которые сливались с вечерним небом. — Здесь выживают хищники. Те, кто не оглядываются.

— Тогда скажи мне честно, — Айрис сделала ещё один шаг, и теперь между нами было всего несколько шагов. — Ты делаешь это ради семьи, ради дома, ради справедливости? Или ради того, чтобы доказать, что ты не тот мальчишка, которого Кристиан когда-то принял в свою семью и играл как марионеткой?

Я резко повернулся к ней, и в моих глазах вспыхнуло раздражение, смешанное с болью:

— Это одно и то же! Дом, семья, честь — всё это он растоптал. И я должен это вернуть.

— А Талия? Где она в этом твоём «всё вернуть»? — не отступала Айрис. — Ты думаешь о ней как о причине? Или как о цели? Или... — она запнулась, подбирая слова, которые могли ранить, но которые нужно было сказать. — Или как о трофее?

Эти слова ударили сильнее, чем я ожидал. Я почувствовал, как внутри что-то сжалось, словно кто-то сжал сердце в кулаке.

— Не смей, — тихо, но жёстко произнёс я. — Не смей говорить так о ней.

— Значит, ты слышишь, — кивнула Айрис. — Значит, ты ещё не потерял себя до конца. Потому что если бы ты дей-

ствительно думал о ней как о трофее, ты бы даже не разозлился. Ты бы просто кивнул и сказал: «Да, она будет частью моей победы».

Я отвернулся, снова глядя на крыши, на небо, на всё, что угодно, только не на её понимающие, слишком проницательные глаза:

— Она никогда не будет трофеем. Она... она всегда была больше, чем просто женщина. Больше, чем просто прошлое.

— Тогда не позволяй этой войне превратить её в пешку на твоей доске, — сказала Айрис уже мягче, но не менее твёрдо. — Потому что если ты сделаешь это, если ты используешь её боль, её положение, её чувства как оружие против Кристиана, ты станешь не лучше него. Ты станешь его отражением.

Я молчал. Внутри меня шла борьба: между тем, кем я хотел быть — справедливым, сильным, тем, кто защищает слабых, — и тем, кем мне приходилось становиться, чтобы выжить в этом мире.

— Я знаю, что ты прав, — наконец произнесла Айрис прочитав мои мысли. — Ты хочешь защитить её. Но ты думаешь, что единственный способ защитить её — это уничтожить Кристиана. И это твоя слепота.

— У меня нет другого способа, — глухо ответил я. — Пока Кристиан жив, пока он контролирует этот город, пока он решает, кому жить, а кому умереть, — она не будет в безопасности.

— Тогда сделай так, чтобы она была в безопасности, не

превращая её в причину войны, — настаивала Айрис. — Найди другой путь. Или хотя бы не забывай, что она — человек, а не флаг, который ты поднимешь над руинами.

Я снова повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза:

— Я не забуду. Но и не отступлю. Я принял решение. Эта война начнётся. И я сделаю всё, чтобы Талия выжила. Даже если она никогда не простит меня за то, что я втянул её в это.

— Хорошо. Тогда я буду рядом. Не потому, что верю, что ты делаешь всё правильно. А потому, что знаю: когда ты поймёшь, что ошибался, тебе понадобится кто-то, кто не даст тебе упасть.

Я хотел сказать что-то в ответ, но слова застряли в горле. Вместо этого я просто кивнул.

Мы стояли так несколько мгновений, два человека, связанных не клятвами и не титулами, а старой дружбой и общим пониманием того, что впереди нас ждёт буря.

Потом Айрис вздохнула и посмотрела на часы:

— Нам нужно двигаться. У тебя есть план, но планы не работают без действий. Расскажи мне, с чего мы начнём.

Я глубоко вдохнул, собираясь с мыслями, и начал говорить. Рассказывал о первых шагах: о том, как мы ударим по второстепенным точкам влияния Кристиана, о том, как посеём сомнения среди его союзников, о том, как создадим хаос, который заставит Кристиана отвлечься от Талии и сосредоточиться на защите своих интересов.

Айрис слушала внимательно, иногда задавая вопросы,

иногда предлагая альтернативы, иногда просто кивая, показывая, что слышит и понимает. И постепенно я почувствовал, как напряжение начинает отпускать меня. Не полностью, но достаточно, чтобы снова начать думать, а не только чувствовать.

Когда мы закончили обсуждать детали, солнце уже почти село, и двор погрузился в полумрак. Айрис посмотрела на меня и сказала:

— Помни: сила — это не только умение наносить удары. Сила — это ещё и умение остановиться, когда понимаешь, что бьёшь не туда.

Я снова кивнул, на этот раз без раздражения, а с благодарностью:

— Я буду помнить.

— Вот и хорошо. Тогда пойдём. У нас впереди много работы. И мало времени.

Мы пошли прочь от двора, в сторону города, где огни начинали загораться один за другим. Я шёл рядом с Айрис, слушая её голос, который время от времени прерывался шумом машин и далёкими голосами, и пытался удержать в голове все детали плана.

Но где-то на краю сознания всё равно оставалась Талия. Её лицо, её смех, её голос. И мысль, от которой я не мог избавиться: я делал всё это ради неё. Даже если она никогда не узнает. Даже если она возненавидит меня за это. Даже если в глазах других она станет просто частью моей победы.

«Она не трофей, — повторял я про себя, как заклинание, которое должно было защитить меня от самого себя. — Она — причина, по которой я должен победить».

Город принимал нас в свои объятия, тёмные и холодные, но я уже не чувствовал себя одиноким. Рядом была Айрис — голос разума, который не давал мне забыть, кто я и зачем иду вперёд. И впереди была война. Жестокая, беспощадная, но необходимая.

И я был готов к ней. Готов ко всему, что предстояло. Потому что знал: на кону не просто власть, не просто территория, не просто месть. На кону была жизнь Талии. И её будущее. И я не мог позволить себе проиграть.

По дороге мы свернули в узкий переулок, где пахло мокрым бетоном и дешёвым табаком. Здесь было тише, и можно было наконец выдохнуть.

— Чувствуешь? — прошептала Айрис сканируя тени.

Я замер, прислушиваясь не к звукам, а к тому странно-живому холодку, который полз по спине. Тому самому, который годами учил меня замечать опасность раньше, чем она ударит.

— Да, — тихо ответил я. — Ктото здесь.

Айрис вытащила пистолет и кивнула мне:

— Держи спину.

Мы двигались медленно, почти бесшумно, пока из темноты не выступил силуэт. Высокий, с лицом, наполовину скрытым тенью.

— Тяго, — произнёс незнакомец, и в этом голосе было что-то знакомое. Слишком знакомое. — Тебя ищут. Кристиан уже разослал людей. Они знают, что ты ходил к старейшинам. Знают, что ты готовишь удар.

Я сделал шаг вперёд, стараясь не выдать ни дрожи, ни гнева:

— Кто ты такой, чтобы знать это?

— Тот, кто не хочет, чтобы ты умер в первом же бою, — спокойно ответил он. — У тебя есть союзники. И у тебя есть враги. Но сейчас враги ближе.

Он бросил мне на ладонь маленький металлический предмет — флешку.

— Здесь схемы, маршруты, имена. То, что поможет тебе начать. Но помни: чем дольше ты ждёшь, тем меньше у тебя шансов.

Я сжал флешку в кулаке, чувствуя, как холодный металл врежется в кожу.

— Спасибо, — коротко бросил я.

Незнакомец едва заметно кивнул и растворился в темноте. Айрис посмотрела на меня:

— Ну вот. Теперь у тебя не просто план. У тебя есть оружие.

Я кивнул, но в груди всё сжималось от понимания: обратного пути больше нет. Я сделал свой выбор. И теперь должен был идти до конца.

— Пойдём. Нужно всё проверить. И нужно решить, какой

первый шаг будет самым болезненным для Кристиана.

Глава 4. Кристиан

Я стоял у окна на восемьдесят третьем этаже, и город внизу казался не просто скоплением огней и бетона — он был моим полем битвы, моей шахматной доской, где каждый квартал, каждая высотка означали контроль, влияние, власть. Я строил это годами, шаг за шагом, не щадя ни себя, ни других. А теперь, глядя на эту панораму, я впервые почувствовал, как эта империя давит на плечи: я не владел ею, а нёс её, как тяжёлый, неудобный груз, который нельзя бросить, но который с каждым днём всё сильнее прижимает к земле.

Мысли снова и снова возвращались к Талии. К тому, как я сорвался на неё — особенно после осмотра у врача, после того как она узнала, что её жизнь и жизнь нашего ребёнка в опасности. Это знание должно было сделать меня осторожнее, бережнее, а я вместо этого снова позволил гневу взять верх. Снова напугал её. Снова стал тем самым монстром, от которого поклялся её защитить.

«Я вырвал её из той жизни, чтобы уберечь, — крутилось в голове, как заезженная пластинка. — А теперь я для неё самый главный монстр».

— У нас крыса, и я пока не хочу верить, кто эта крыса, — голос Марко ворвался в мои мысли. — Прости за такой вопрос... А Талия?

Я даже не повернул головы. Смотрел на город, но видел перед собой её лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами, в котором смешивались усталость, страх и разочарование.

«Убери Алекса и займись охраной Талии», — я быстро набрал сообщение Рико: пальцы двигались сами, знали, что делать, когда разум застыл в ступоре.

Мне казалось, я уже знаю ответ на вопрос о предателе, но признавать его не хотел. Алекс был со мной десять лет. Мы делили не просто дела — мы делили риски, кровь, тишину после перестрелки, когда понимаешь, что сегодня ты всё ещё жив. И мысль о том, что он мог стать предателем, ранила.

— Нет, это не Талия, — произнёс я, и в моём голосе прозвучала сталь — не для Марко, а для себя самого, чтобы заглушить малейший шёпот сомнения. — У меня есть догадки. Но пока я не буду их озвучивать.

— Алекс? — Марко не спрашивал — он проверял, насколько близко я подошёл к правде.

— Пока не будем делать поспешных выводов, — отрезал я. — Но Талия — нет. Она пока ещё слишком слаба для таких махинаций. Но это пока.

— То есть ты не отрицаешь того, что однажды ты можешь пасть от рук своей благоверной?

— Смотря как я добьюсь её расположения, — сухо ответил я. — Но не отрицаю.

— Ты отчаянный.

— Я влюблён, — бросил я, и эти слова прозвучали почти как оправдание, хотя я никогда ни перед кем не оправдывался.

— Это разве не одно и то же? Потому что и первое, и второе — чистый идиотизм.

— Марко, я тебя уважаю. Но даже тебе не позволено переступать порог дозволенного, — голос мой стал тише. — Когдато я и сам так думал. Пока не стал одержим ею. Пока в моей голове не осталось места ни для кого, кроме неё.

Марко хмыкнул, закрыл ноутбук и начал собираться, этим движением хотел поставить точку в разговоре.

— Ладно, работай. Но развлекаться тоже нужно уметь.

— Отправь мне все файлы. Даже с догадками, — потребовал я, возвращаясь к делу как к единственному якорю, который не давал мне сорваться в пропасть собственных чувств.

— Будет сделано. Ты со мной?

— Я женат.

— Сейчас ты записался в монахи.

— Я женат, — повторил я, и в этом повторении была не защита, а граница, которую я сам себе провёл.

— Кристиан, прости, но сейчас ты просто идиот. Смотри в оба и не теряй голову.

— Пошёл вон, — рявкнул я. Но Марко знал: это не злость. Это страх — страх, что он своими словами подтвердит то, чего я боялся больше всего: что я действительно теряю контроль.

Дверь тихо закрылась за ним. Я провёл ладонью по лицу, стирая с него маску жёсткости, и на секунду закрыл глаза. Но тишина не приносила облегчения — она только усиливала гул мыслей.

Я подошёл к столу, где мерцал экран, полный отчётов, камер, финансовых схем — всего, что составляло мою империю. Сейчас все эти цифры казались бессмысленными. Важным было только одно: как получить её доверие. Как сделать так, чтобы она могла смотреть на меня без страха.

Телефон тихо вибрировал, но я не спешил читать сообщения. Сначала нужно было сказать самое важное. Я открыл чат с Талией и начал печатать, тщательно подбирая каждое слово — не как босс, отдающий приказ, а как человек, который впервые в жизни не знает, как правильно попросить прощения:

«Талия, я знаю, что ты сейчас не хочешь меня видеть. И я не прошу тебя об этом. Просто знай: охрана рядом. Никто не посмеет к тебе приблизиться без моего ведома. И... прости за то, что я снова напугал тебя. Я обещал, что не сделаю этого. И я нарушил обещание. Большие такого не повторяются. Клянусь».

Отправив сообщение, я отложил телефон, боялся, что ответ, которого не будет прямо сейчас, окончательно добьёт меня.

На экране всплыло уведомление от Рико:

«Алекс временно отстранён от сопровождения Талии, её

охрана усилена».

Я кивнул сам себе. Каждый шаг по защите Талии отдалял меня от людей, которым я когда-то безоговорочно доверял. Это было неизбежно: в моём мире нельзя было держать крепость и оставлять ворота открытыми.

Я вернулся к окну. Город внизу жил своей жизнью, не подозревая о буре, которая назревала на верхних этажах. Я смотрел на эти огни и понимал: впереди будет только сложнее. Крыса внутри моей структуры, растущая напряжённость между кланами, хрупкое состояние Талии — всё это сплеталось в тугой узел, который придётся развязать, рискуя потерять всё.

Но я был готов к этому. Потому что впервые в жизни на кону стояло не влияние, не деньги, не власть. На кону была женщина, которая заставила меня вспомнить, что у меня есть сердце. И я не собирался её терять. Даже если для этого придётся стать тем самым монстром, которым она меня считала.

Тишина снова начала давить на уши. Я глубоко вдохнул, расправил плечи и вернулся к столу. Пришло время заняться тем, что я умел лучше всего: просчитывать ходы, предугадывать и держать удар. И надеяться, что где-то в глубине души Талия когданибудь поймёт: всё, что я делал, я делал ради неё. Даже если она никогда не простит меня за методы.

Я открыл папку с файлами, которые прислал Марко, и начал вчитываться в строки, выискивая малейшие несоответ-

ствия, любые зацепки, которые могли вывести на предателя. Время работало против меня, и каждый час промедления мог стоить слишком дорого.

«Найду предателя, — пообещал я себе, глядя на экран, где мелькали цифры и имена. — И сделаю так, чтобы Талия была в безопасности».

Город продолжал мерцать внизу, равнодушный и величественный. А я снова становился тем Кристианом, которого все боялись: жёстким, расчётливым, беспощадным. Но теперь в этом образе было что-то новое — то, что раньше казалось мне слабостью: ответственность за другого человека. За женщину, которая смотрела на меня с испугом. За ребёнка, которого я ещё не видел, но уже был готов защищать любой ценой. И эта ответственность делала меня не слабее — она делала меня опаснее.

Прошло много времени, пока я утопал в работе. За окном уже начало светлеть: первые бледные полосы рассвета легли на стекло, будто кто-то провёл по нему кистью с разбавленной краской. Я всё просматривал материалы, которые могли дать мне хоть какую-то подсказку: отчёты, логи перемещений, переписки, схемы связей. Каждая строчка, каждая цифра могла оказаться той самой зацепкой, которая выведет на крысу, а я не мог позволить себе упустить её — слишком многое стояло на кону.

Телефон тихо звякнул, и я на секунду замер, боясь, что это сообщение от Талии. Но нет — на экране высветилось

«Дженни». Я поднёс трубку к уху, стараясь удержать голос ровным, без малейшей дрожи, которая могла выдать, как сильно я жду хоть какойто весточки о ней.

— Кристиан, милый... Талия недавно уснула. Она места себе не находила, всё переживала, что обидела тебя. Просила мне тебе об этом не говорить. Но как я могу тебе не сказать? Ты же знаешь меня... И твоё сообщение её разбило. Но я думаю, её сердце немного тает, — выпалила Дженни, не успев даже толком поднести трубку к уху.

Я сжал телефон крепче: только он мог удержать во мне ту бурю, которая рвалась наружу. Хотелось сорваться, поехать к ней, встать у двери и просто сказать: «Прости». Но я знал, что сейчас это не поможет. Сейчас ей нужно было не моё раскаяние, а безопасность.

— Спасибо, Джи, — ответил я сухо. Любая смена интонации выдала бы моё волнение, а я не хотел, чтобы она слышала, как я ломаюсь. Хотя Дженни и так всё знала: она видела нас обоих насквозь.

— Ещё коечто, — её голос стал тише, напряжённее, она боялась произнести следующие слова.

Внутри всё сжалось.

— Чтото с ребёнком?

— Нет, с ним всё хорошо, — поспешно ответила она. — Звонил Нестор. Нейтлин всё узнала. Ему нужно срочно с тобой поговорить.

Я прикрыл глаза, на секунду позволив себе выдохнуть. С

ребёнком всё в порядке. Остальное я выдержу.

— Хорошо. Спасибо.

Я отключил сотовый и сразу принялся печатать сообщение Нестору:

«Я в квартире. Жду в течение часа. Потом мне нужно ехать».

Ответ пришёл мгновенно, словно он держал телефон в руке, готовый к этому разговору:

«Десять минут, и буду у тебя».

Ровно через десять минут двери лифта открылись, и из них вышел Нестор. Вид у него был такой, словно он не спал несколько суток: лицо осунувшееся, плечи напряжённые, взгляд тяжёлый. Он остановился напротив меня, и в его глазах читалось всё то, что он собирался выплеснуть.

— Она знает. Она меня видеть не хочет. Она сказала, что не простит мою ложь и что помолвке конец. Она меня бросила, — выпалил он, не дожидаясь, пока я предложу ему сесть или налить кофе.

Я не стал тратить время на пустые утешения. Мы оба знали, что слова тут не помогут.

— Она не может. Договор заключали мы.

— Я не заставляю её выйти за меня насильно, — резко оборвал он. — Я не такой.

— Нам нужна эта свадьба. Нам нужен этот союз, — холодно произнёс я, возвращаясь к той части себя, которая умела отделять чувства от дела.

— Кристиан! — он почти кричал, и в этом крике было отчаяние. — Ты слышишь себя? Она твоя сестра.

— А ещё это мой город и моя ответственность, — отрезал я. — И я отвечаю за то, чтобы этот союз держался.

— Она тебя не простит, — тихо, но твёрдо сказал Нестор, будто вбивал гвоздь в стену между нами. — Она тебя возненавидит за это.

— Она любит тебя. Вы помиритесь.

— Я не заключу с ней брак, если она будет против. Она сказала, что ей хватает одного человека, который варится в криминале.

— Разговор окончен, — наконец произнёс я, и в моём голосе прозвучала окончательность, которую нельзя было оспорить. — Я решу проблему.

— Как ты её решишь? — тихо спросил он. — Заставишь её молчать? Заставишь её улыбаться на свадьбе, даже если она будет плакать внутри?

— Я не сделаю ей больно, — спокойно ответил я. — Но я не позволю всему рухнуть изза эмоций.

Нестор покачал головой, будто не верил ни единому моему слову.

— Ты уже делаешь ей больно. Просто не видишь этого.

Он развернулся и пошёл к лифту, оставив меня одного с этой правдой, которая ударила сильнее любого кулака.

Я стоял посреди комнаты и понимал: он прав. Я всю жизнь делал ей больно. Снова и снова. И каждый раз оправдывал

это необходимостью, ответственностью, долгом. Но боль от этого не становилась меньше.

Взгляд упал на экран телефона, где всё ещё висело непрочитанное сообщение от Рико:

«Охрана на месте. Всё под контролем».

Я кивнул сам себе, будто это могло убедить меня, что я всё делаю правильно.

Рассвет уже разлился по городу, окрашивая небо в бледно-розовые и золотистые тона. Но мне не хотелось видеть эту красоту. Мне хотелось видеть только одно: как Талия снова сможет смотреть на меня без страха. Как она снова сможет поверить, что я не причиню ей вреда.

Переступив порог дома, я направился напрямик на кухню. Ну, конечно. Где ещё можно было найти этого оболтуса? Рико сидел у столешницы, уплетая что-то из тарелки, которую явно приготовили для Талии.

— Рико. Хватит жрать еду для Талии, — бросил я, не скрывая раздражения.

— Хватит на всех. Не вредничай, — тут же встряла Джи, опередив Рико, который наверняка выдал бы что-нибудь такое, что только сильнее меня разозлило бы. Она смотрела на меня с этим своим особым выражением, когда видела не грозного босса, а мальчишку.

— Ты переживаешь? — спросил Рико. Я замер на секунду, потому что услышал в его голосе не привычную браваду, а что-то другое — ту самую редкую нотку заботы, которую я

не слышал от него очень давно. Так давно, что на мгновение мне показалось, что передо мной стоит другой человек.

— За крысу или за Талию? — уточнил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Если это крыса, о которой мы думаем... то за Талию.

Я хмыкнул, но без злости — скорее от усталости.

— Нет. Меня это только злит. И подрывает доверие ко всем, — я посмотрел на Рико многозначительно, давая понять, что эта мысль гложет меня куда сильнее, чем я готов показать.

— Мальчики, хватит, — мягко оборвала нас Джи. — Пока всё хорошо. Но, Кристиан, я оставила коечто в ящике твоего стола. Тебе будет это интересно.

Не успел я спросить, что именно, как в кухню вошла Талия. В пижаме, с растрёпанными после сна волосами, она выглядела до странного... нормальной.

— Чай будешь? — спросил я раньше, чем Джи успела броситься её обслуживать. Мне вдруг захотелось сделать это самому. Хоть чтото простое, человеческое.

— На самом деле я такая голодная, — мягко улыбнулась она. — Давайте позавтракаем все вместе?

Она посмотрела на нас с таким простым, почти детским ожиданием. Я уже хотел было сказать, что это не по правилам этого дома — никаких совместных завтраков, никаких иллюзий о семье. Но Рико уже вскочил и начал рыться в холодильнике, вытаскивая всё подряд.

— Ты что будешь? Тут есть много чего.

— Я буду всего понемножку, — ответила Талия и снова улыбнулась. И от этой улыбки в груди что-то шевельнулось — что-то тёплое, почти забытое.

Спустя полчаса мы все сидели за огромным столом в столовой и болтали. О пустяках, о погоде, о каких-то нелепых историях из прошлого — о чём угодно, кроме того, что грозило обрушиться на нас в любую секунду. И на эти тридцать минут я почти поверил, что мы обычная семья.

— Ну да, не считая того, что меня купили, как мебель, — вдруг сказала Талия, отвечая на что-то, что ляпнул Рико. Я даже не слышал, что именно он сказал, но её слова заставили меня выпрямиться.

— Я дал твоим родителям выход. Мог бы не давать. Точнее, даже так: если бы не ты, я бы его и не давал, — спокойно произнёс я, глядя ей прямо в глаза. Пусть знает всю правду.

Её взгляд не изменился. В нём всё ещё плясали озорные искры, но теперь к ним прибавилось что-то ещё — благодарность.

— Ты прав. Ты дал выход им. Но, так же поставил меня в ловушку, — сказала она, и в её голосе не было упрёка — только констатация факта.

— Талия, прошу, давай не будем начинать спор с утра.

— Ты прав. Оставим его на обед, — усмехнулась она, и напряжение, которое повисло в воздухе, чуть рассеялось.

В этот момент в столовую влетел Марко. Вид у него был

такой, словно он вообще не ложился: помятый, с тяжёлым взглядом и походкой человека у которого не бывает хороших новостей.

— У нас проблема, — выдохнул он, переводя взгляд с меня на Рико, а потом на Талию, сам не зная, с кого начать и что тут вообще происходит. — И, Талия, через час приедет доктор. Дженни, подготовь комнату для оборудования рядом с комнатой Талии.

— Мне очень интересно, для чего? — спросил я, чувствуя, как утреннее спокойствие рассыпается.

— Твой приказ. Чтобы кто-то из медперсонала был рядом с ней. Я модернизировал твою просьбу и закупил всё необходимое оборудование.

Я на секунду прикрыл глаза. Вот за это я его и уважал: он не просто выполнял приказы — он думал на два шага вперёд.

— Вот за это я тебя и уважаю. Но что за проблема?

— Не тут, — коротко бросил он, кивая в сторону коридора.

Мы встали изза стола и направились в мой кабинет. По дороге я ловил себя на мысли, что либо Марко знает все ответы, либо проблема куда серьёзнее, чем он готов сказать при Талии.

Когда мы вошли в кабинет, он молча развернул планшет и показал мне кадры с камер: склады в Дублине и Риме — оба горели. Чёрные клубы дыма поднимались к небу, пожирая всё, что было мне дорого не как актив, а как часть системы,

которую я строил годами.

Под видео было короткое сообщение, выведенное жирным шрифтом:

«Война началась. Твой Т.»

Я смотрел на экран, и внутри меня что-то остывало — та самая человеческая теплота, которая ещё минуту назад согревала меня за общим столом.

— Кто видел эти кадры кроме нас? — спросил я, уже зная ответ, но проверяя, насколько глубоко проник враг.

— Пока только Рико и ты. Я заблокировал доступ к этим файлам на общих серверах.

— Хорошо, — кивнул я, чувствуя, как во мне просыпается тот Кристиан, которого боялись. — Подними всех. Пусть проверяют каждый периметр, каждую точку входа. И пусть держат Талию под защитой. Не просто охраной — абсолютной защитой. Никто не должен к ней приблизиться.

Глава 5. Талия

Утренний свет едва пробивался сквозь плотные шторы, когда тишину комнаты разорвал резкий звук мобильного. Я вздрогнула и схватила трубку. Голос доктора Хариша звучал сдавленно, в нём чувствовалась нервозность:

— Талия, доброе утро. Вам нужно приехать на повторный приём. Результаты анализов вызвали вопросы — нужно пересдать кровь и сделать повторное УЗИ. Чем быстрее, тем лучше.

— Хорошо. К десяти буду, — ответила я, и почувствовала как страх снова сжал горло.

Я вышла из комнаты и направилась в кабинет Кристиана, надеясь застать его там. Но кабинет был пуст. Я начала бродить по дому, заглядывая в каждую комнату, отчаянно ища хоть когонибудь. Наконец в гостиной, возле камина, я увидела Дженни — она что-то делала, пытаясь занять руки, чтобы не выдать своего беспокойства.

— Дженни, ты не видела хоть кого-нибудь? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Она подняла глаза, и в её взгляде мелькнуло сочувствие.

— Ох... У них что-то произошло вчера, и им пришлось срочно уехать рано утром.

— Мне только что позвонил доктор Хариш. Он просит приехать на повторную сдачу анализов.

— Попробуй позвонить Кристиану. Ты же знаешь, я не могу решать такие вопросы.

— Спасибо, — пробормотала я и помчалась обратно в комнату, стараясь двигаться как можно быстрее, насколько это было возможно в моём положении. Каждый шаг отдавался тревогой, а в голове крутилась одна мысль: «Только бы всё было хорошо».

Дойдя до комнаты, я схватила мобильный с тумбы и в списке распечатанных контактов нашла номер Кристиана.

Гудок. Второй. Третий...

— Да?

— Привет. Это Талия.

— Всё хорошо?

— Да. Точнее... не знаю. Звонил Хариш и попросил приехать в клинику. Ему что-то не понравилось в моих анализах.

— Чёрт, — в его голосе прозвучало напряжение. — Это не ждёт до вечера?

— Нет. Он сказал: чем быстрее, тем лучше. Я пообещала быть к десяти.

— Хорошо. Сейчас позвоню Алексу — он тебя отвезёт.

— Спасибо, — выдохнула я, чувствуя, как меня чуть-чуть отпускает внутри. — У вас всё хорошо? — спросила я, сама не зная, зачем.

— Насколько это возможно, — коротко бросил он, и в этой фразе прозвучала вся тяжесть его утра. — Всё. Отбой. Позвони после приёма и расскажи, что сказал врач.

— Принято, — тихо ответила я и нажала «отбой».

Потом я побрела в ванную — умыться, попытаться хоть немного привести себя в порядок. Холодная вода слегка остудила разгорячённые от тревоги щёки.

Я нанесла пару лёгких штрихов косметики — совсем чутьчуть, просто чтобы скрыть эту пугающую бледность. Моё отражение и правда выглядело хуже, чем у злодея в фильме ужасов: тёмные круги под глазами, натянутая кожа.

Но дело было не в красоте. Мне просто хотелось выглядеть так, будто я справляюсь. Хотелось на пару минут обмануть саму себя: если я буду выглядеть спокойной, может, и сердце перестанет биться где-то в горле. Хотелось верить, что я смогу выдержать всё, что скажет врач. Хоть немного. Хоть для самой себя.

Когда я была собрана, я оглядела себя в зеркале — и сама удивилась своему отражению. Впервые за долгое время я себе нравилась.

На мне было длинное чёрное пальто: оно ниспадало свободными складками, подчёркивая непринуждённую элегантность. Под ним — чёрная шёлковая рубашка. Светлосиние джинсы края тот мягко очерчивали силуэт. На ногах — простые чёрные кеды с белоснежной подошвой: они добавляли образу лёгкую дерзость. Через плечо небрежно перекинута небольшая сумка с изящной фурнитурой. Тонкая оправка солнцезащитных очков скрывала взгляд. В этом образе было что-то отрезвляющее: надев его, я могла на время спря-

тать свою уязвимость.

Дорога до клиники прошла в полном молчании. Алекс вёл машину, не произнося ни слова, лишь изредка бросая на меня непроницаемые взгляды через зеркало заднего вида. Я не пыталась завести разговор: тишина сейчас была не тягостной, а спасительной — она не давала мыслям разрастись до паники.

Доктор Хариш уже ждал меня в кабинете. По коже пробежал озноб — слишком свежи были воспоминания о прошлом приёме. Он провёл быстрый осмотр, потом взял кровь из вены. Много крови. Каждая капля, уходящая в пробирку, будто забирала с собой крупицу уверенности.

— Подождите за дверью. В течение тридцати минут будут готовы анализы, — сухо произнёс он, не поднимая глаз.

— Хорошо, — ответила я и вышла.

Я опустилась на белый кожаный диван. Время тянулось бесконечно медленно, растягиваясь в тягучие минуты. Во мне то поднималась острая тревога, царапая изнутри, то всё внутри становилось холодным и безразличным — будто организм пытался защититься, отключая чувства.

Наконец дверь кабинета открылась.

— Заходи, — голос доктора звучал ровно.

Он снова сел за свой стол, опустил взгляд на лист с результатами и, не глядя на меня, произнёс:

— Талия, ситуация серьезнее, чем я предполагал. Вам необходим строгий постельный режим. Всю оставшуюся бе-

ременность вам нужно только лежать. Разрешены лишь походы в туалет. Никакого волнения, никакого стресса — полный покой. Я бы рекомендовал экстренную стимуляцию родов. Но если вы хотите сохранить беременность и свою жизнь, любые нагрузки сейчас смертельно опасны.

Его слова оглушили меня. Они не сразу обрели смысл — сначала просто повисли в воздухе, потом смысл дошёл, и в груди всё сжалось от обречённости.

Когда я вышла из клиники и села в машину, внутри меня всё колотило от лихорадочных мыслей. Я смотрела на знакомые улицы за окном и пыталась переварить услышанное, уложить эти страшные слова доктора в какуюто понятную схему, чтобы они не рассыпались в панический шум.

Но спустя какоето время я вдруг заметила, что пейзаж за окном изменился. Вместо привычных фасадов и витрин потянулись обшарпанные гаражи и ржавые контейнеры. Машина плавно повернула в сторону промзоны

— Алекс? — голос предательски дрогнул. — Куда мы едем?

Он молчал. Только сильнее давил на газ, и внедорожник, послушный его руке, летел вперёд. Сердце забилося гдето в горле, а паника, до этого прятавшаяся в глубине, хлынула по венам обжигающей волной.

— Алекс, чёрт возьми, куда мы едем?! — крикнула я, хватаясь за ручку двери.

— Успокойся, — спокойно ответил он. — Я везу тебя к

Кристиану. Это его приказ.

— Что за бред?! Останови машину!

Внедорожник резко затормозил у ворот заброшенного склада. Вокруг не было ни души — только ржавые конструкции, покосившийся забор и тишина.

— Выходи, — скомандовал Алекс, глуша мотор.

— Я никуда не пойду! — вскрикнула я, вжимаясь в сиденье и прикрывая рукой живот.

Алекс выскочил изза руля, обогнул машину и рывком распахнул мою дверь. Схватил меня за руку и с силой вытащил наружу. Я пыталась вырваться, закричать, но голос застрял в горле, превратившись в сдавленный хрип.

А потом — резкий удар по затылку. Мир вспыхнул яркой ослепительной вспышкой... и погрузился в абсолютную тишину.

Сознание возвращалось болезненными толчками, словно кто-то дёргал за невидимые нити, заставляя меня снова и снова выныривать из темноты. Затылок пульсировал тупой болью, а во рту стоял металлический привкус крови.

Я попыталась пошевелиться — и тут же почувствовала, как врезаются в запястья стянутые за спиной верёвки. Я лежала на холодном бетоне, с трудом фокусируя взгляд, цепляясь за размытые контуры, чтобы не провалиться обратно в беспамятство.

Напротив меня сидел Алекс. На его коленях лежал пистолет, а в руке он лениво крутил зажигалку, щёлкая крышкой.

— Проснулась? — сухо спросил он, даже не глядя на меня.

— Алекс... Что ты делаешь? Кристиан... он убьёт тебя,
— мой голос звучал хрипло, почти неузнаваемо.

Алекс издал короткий, безрадостный смешок.

— Кристиан сейчас слишком занят проблемой, которую твой любимый Тяго ему устроил, чтобы думать о том, где ты. Ему не до тебя.

Из тени за его спиной послышались неторопливые, уверенные шаги. Из темноты вышел незнакомый мужчина в идеально отглаженном костюме.

— Не трать силы на угрозы, деточка, — раздался его бархатный голос, насквозь пропитанный фальшивым дружелюбием. — Твой благоверный муж думал, что держит всё под контролем. Но он забыл, что у всего есть цена. И Алекс оказался весьма практичным малым.

Я перевела полный ужаса взгляд с Алекса на незнакомца. В голове щёлкнуло, и пазл сошёлся: тот обрывок разговора, который я мельком подслушала накануне, слова о предателе — это был Алекс. Всё это время он был рядом, в самом сердце доверия Кристиана, и ждал своего часа.

— Зачем? — прошептала я, голос сорвался. — Зачем я вам?

Мужчина подошёл ближе и опустил на корточки передо мной, обдав запахом дорогого парфюма и табака.

— Ты — единственный рычаг, который заставит Кристи-

ана приползти на коленях и отдать всё, что у него есть. А когда он отдаст всё, мы избавимся и от тебя, и от него.

— Это смешно, — я глотала воздух, чувствуя, как внизу живота нарастает тянущая боль. — Я не такой ценный экземпляр для него по сравнению с его империей. Он не предаст такое количество людей. Но он найдёт вас. Обязательно найдёт.

— Пусть попробует, — усмехнулся Алекс, щёлкнув зажигалкой. — Он даже не знает, с какой стороны ждать подвоха. Для него я всё ещё верный пёс, который просто потерял тебя по дороге.

— Свяжись с Тяго, пусть начинает свою часть сделки, — бросил мужчина Алексу, поднимаясь.

При звуке этого имени у меня перехватило дыхание.

— Тяго? Нет... Этого не может быть.

— О, поверь, милая, в войнах каждый преследует свою цель. И твой бывший готов на всё, чтобы вернуть тебя и уничтожить Кристиана. Только вот он пока не знает, что в нашем плане ему отведена роль такой же жертвы, как и твоему мужу.

Они развернулись и пошли к выходу, оставив меня лежать на ледяном полу, вцепившись взглядом в исчезающие в темноте силуэты.

Задышавшись и пытаясь унять дрожь во всем теле... Я вспомнила... Телефон. Внезапная мысль пронзила мозг. Я попыталась достать его из кармана пальто, и он со стуком упал на

пол. Я затаила дыхание, прислушиваясь. Снаружи доносился лишь тихий гул моторов и завывание ветра.

Медленно, преодолевая боль, я перевернулась на живот и подползла лицом к экрану. Начала тыкать в него носом, и, к счастью, экран загорелся и разблокировался по лицу почти сразу.

Дыхание сбилось окончательно, пока я пыталась набрать последний исходящий вызов. Кристиан.

Гудки шли бесконечно долго. Каждая секунда казалась вечностью. Вдруг они заблокировали сигнал? Вдруг телефон недоступен?

— Алло! — голос Кристиана прозвучал резко и до боли громко. — Талия, что случилось? Почему ты молчишь?

— Кристиан... — сорвалось с моих губ всхлипом, переходящим в отчаянный шепот. Слезы градом хлынули из глаз. — Кристиан... Помоги мне.

— Ты где? — его голос вмиг потерял всю сдержанность. В нем звучал животный страх, которого я никогда раньше не слышала. — Талия, послушай. Посмотри по сторонам. Где ты?

— Я... я не знаю точного адреса, — захлебываясь слезами, забормотала я. — Мы приехали на какой-то заброшенный склад примерно в пятнадцати минутах от поворота с 25-й авеню. Но он ехал слишком быстро. Это Алекс. Он ударил меня. И какой-то мужчина. Они сказали, что ждут...

— Кого?

— Ждут Тьяго... Кристиан, мне больно!

— Твою мать! — взревел Кристиан так громко, что телефон завибрировал. Послышался грохот отодвигаемого стула и приказ кому-то: — Поднять всех. Живо. Пробить локацию. Если с ее головы упадет хоть один волос, я лично закопаю каждого в этом городе.

— Мне страшно... — выдохнула я, чувствуя, как силы покидают меня.

Телефон выключился и оборвал звонок. Черт, черт, черт! Металлическая дверь открылась со скрипом, впуская полосу серого дневного света. Я услышала шаги и с трудом подняла голову. Это был Алекс.

Сердце пропустило удар, а по позвоночнику прошелся озноб ужаса. Связанные руки и боль лишали меня любых шансов на спасение.

Он подошел ближе и сел на корточки рядом со мной. Усмехнулся, глядя на мои слезы и бессилие. В его глазах читалась абсолютная вседозволенность.

— Ну что, птичка? — хрипло произнес он, касаясь пальцами моего лица. Его прикосновение вызывало физическое отвращение. — Кристиан уже не успеет. Пока он доберется до этой глуши, здесь останется только пепел. А пока... почему бы нам не развлечься?

— Не подходи! — захлебываясь слезами, кричала я. — Ублюдок...

— Кристиан такой идиот, что не попробовал тебя первым,

— ухмыльнулся Алекс, грубо хватая меня за волосы и не обращая внимания на мои крики и мольбы начал стягивать с меня джинсы. Он навалился сверху всей своей тяжестью, выбивая из груди оставшейся воздух.

Каждое его движение отдавалось во мне невыносимой болью — как физической, так и душевной. Его пальцы въедались в кожу, оставляя после себя след. Его толчки стали нечеловечески быстрыми. Он требовал от меня удовлетворения — и моего, и своего, но я задыхалась от собственных слез. Мои слабые попытки сопротивляться вызывали в нем лишь оскал.

— Тише. Ты чего ломаешься? — прошептал он мне в ухо.

В какой-то момент из последних сил я попыталась вырваться и закричать, чтобы он остановился, но он потерял терпение. Его лицо исказилось от ярости.

— Заткнись! — рявкнул он и с размаху ударил меня кулаком по лицу.

Мир в глазах взорвался тысячей искр. Во рту мгновенно закровоточило, и реальность окончательно поплыла. Последнее, что я почувствовала, — это боль внизу живота и пустоту внутри себя.

Когда пелена беспмятства начала постепенно рассеиваться, в сознание проникали лишь звуки — редкие капли, падающие кудато в темноту.

Я приоткрыла глаза. Холодный бетон под спиной пробирал до костей, вытягивая из тела остатки тепла. Тело ломи-

ло так, будто по мне проехался каток, а в голове стоял гул, перекрывающий все остальные звуки. Я попыталась пошевелиться — и по телу прокатилась волна острой боли, заставившая стиснуть зубы, чтобы не закричать.

Опустив взгляд, я с ужасом поняла, что на мне почти нет одежды: лишь распахнутое пальто, под которым виднелась разорванная рубашка. Мои джинсы и бельё валялись на полу — смятые, брошенные, как ненужный мусор. Между ног ощущалось странное тепло и стянутость кожи.

Прежде чем я успела осознать весь ужас ситуации, дверь склада с грохотом распахнулась. Ослепляющая полоса дневного света ворвалась внутрь, выхватывая из темноты очертания фигуры. В проёме стоял Кристиан.

Его лицо было бледнее мела, глаза расширились от ужаса. Он сделал шаг вперёд, замер на мгновение, словно его ноги отказывались двигаться, а потом свет из открытой двери упал прямо на меня — и на пол вокруг моего тела.

Тёмная лужа крови растеклась по холодному бетону, впитываясь в пыль, смешиваясь с ней, становясь частью этого безжизненного места.

— Нет... — сорвалось с его губ, тихо, почти беззвучно, как последний выдох.

Он рухнул рядом со мной на колени, не замечая ни грязи, ни крови, ни того, что всё вокруг пропитано кошмаром. Его руки замерли в воздухе, боясь дотронуться до меня, словно я была хрупким стеклом, которое вотвот рассыплется от од-

ного прикосновения.

— Талия, девочка моя... — его голос сорвался на крик, полный отчаяния, когда он наконец осознал всю глубину того, что здесь произошло.

Я смотрела на него пустыми глазами, чувствуя, как вместе с этой кровью из меня уходит тепло, жизнь... и вместе с ними — мой ребёнок.

Мир окончательно померк, растворился в темноте, и я снова провалилась в неё, унося с собой разрывающую боль в сердце.

Тьяго

— Теперь твоя очередь, — сказал Луис в трубке, и в его голосе не было торжества — только холодная уверенность человека, который знает, что сейчас он держит все нити. — Твоя девка у нас. Часть компромата — тоже.

Я стиснул телефон так, что пластик тихо скрипнул под пальцами. Но вслух сказал спокойно, стараясь, чтобы голос не выдал, как внутри всё сжимается в тугую узел:

— Хорошо. Я вышлю тебе его. Но за его внешний вид я не отвечаю.

— Как и мы за качественность товара, — спокойно парировал Луис, будто мы обсуждали не людей, а партию груза.

— Не смей трогать её. Слышишь? Ни пальцем.

— Я ставлю тебя перед фактом так же, как и ты меня, Тьяго. Это взрослые игры. Учись играть по-взрослому. Ты дон, ты должен понимать: всему есть цена.

В груди всё горело, но я заставил себя сделать медленный вдох. Эмоции сейчас были роскошью, которую я не мог себе позволить.

— Что ты хочешь за то, чтобы её передали в целости и сохранности?

— Порт в Лиссабоне.

Эти слова ударили, как пощёчина. Порт в Лиссабоне... Он приносил основной доход. Через него шли поставки, логистика, контракты — вся цепочка, которую мы выстроили за эти месяцы. И сейчас, когда всё наконец начало налаживаться, когда я видел, как можно вытащить семью из той ямы, в которую её загнали прошлые ошибки, он требовал именно это. Самое уязвимое. Самое ценное.

Я прикрыл глаза, чувствуя, как в висках стучит кровь. Отдать порт — значит потерять контроль. Оставить Талию у него — значит потерять её навсегда.

— Ты знаешь, что я не могу его отдать. Не сейчас.

— Тогда и не проси гарантий, — сухо ответил Луис. — Ты сам выбрал правила этой игры. Теперь плати по счетам.

На секунду в трубке повисла тишина — та самая, в которой слышно, как рушатся планы.

— Дай мне сутки. Я найду другой вариант.

— У тебя двенадцать часов, — отрезал он. — И не пытайся играть в благородство, Тяго. Здесь нет места чувствам. Есть только сделки. И ты либо заключаешь их, либо теряешь всё.

Он отключился, и в этой внезапной тишине я остался один на один с тем, что теперь придётся сделать.

Я положил телефон на стол и провёл ладонью по лицу пытаясь стереть с него не усталость, а самую необходимость принимать этот выбор. В комнате было тихо, но в голове гремел хаос: голоса, угрозы, имена, расчёты, возможные ходы... и среди всего этого — её лицо. С тем взглядом, который я столько раз пытался забыть, но который теперь не давал мне закрыть глаза.

«Двенадцать часов, — повторил я про себя, словно это могло сделать срок реальнее. — Двенадцать часов, чтобы спасти её и не разрушить всё, что мы строим».

Я поднялся, подошёл к окну и посмотрел вниз, на город, который уже привык считать своей территорией. Сейчас он казался не крепостью, а лабиринтом, где каждый поворот мог стать ловушкой.

Пора было собирать людей. Пора было действовать. Потому что если я хоть на минуту позволю себе поверить, что выхода нет, я проиграю. А Талия не должна стать ставкой, которую я не смог отыграть.

Я набрал на телефоне номер Айрис. Гудок, второй — и она взяла трубку, она ждала этого звонка, зная, что он не принесёт ничего хорошего.

— Привет. Или Талия, или Лиссабон, — сказал я коротко.

— И что ты выберешь?

— У меня есть двенадцать часов, чтобы решить, — отве-

тил я, и в этом «решить» было столько бессилия, что оно резало даже меня самого.

— Тяго... — выдохнула она, и в одном этом имени прозвучало всё: разочарование, усталость, горечь от того, что она видела, как я падаю, и не могла меня удержать.

— Нет, не смей, — оборвал я, прежде чем она начнёт свою привычную тираду — ту самую, где она раскладывала по полочкам, какой ценой достаётся власть, сколько судеб ломается на этом пути и как легко в итоге потерять себя. Я не мог сейчас слушать это. Не мог позволить этим словам пустить корни в моей голове. — Мы с таким трудом вылазим из этого дерьма, — добавил я, скорее себе, чем ей, пытаюсь зацепиться за эту мысль, как за опору.

— Она — причина того, что ты на это решился. Причина, по которой ты вообще начал действовать. Быть сильнее. Разве не ради неё всё это? — Айрис не сдавалась, хотела вытащить из меня хоть какой-то честный ответ.

— Как оказалось, нет, — произнёс я, и мне стало противно от собственных слов. Противно признавать, что теперь на кону не только Талия. Теперь это была целая система, которую я строил, которую пытался сделать не просто схемой, а чем-то большим — безопасным местом для своих, стабильным фундаментом, который не рухнет от первого удара. И если я отдам порт, этот фундамент треснет. А если не отдам — потеряю её.

— Я так и знала, — тихо, почти шёпотом, сказала Айрис.

— Знала, что ты потеряешь себя.

И она завершила вызов.

Но сейчас её правота не имела значения. Как и моё отвращение к собственному выбору. Время не ждало, пока я разберусь с совестью.

Двенадцать коротких часов, в которых нужно было успеть сделать невозможное. Но выбор уже сделан. Не потому, что он был правильным, а потому что других вариантов просто не осталось.

Нашёл контакт Альвареса и быстро набрал сообщение, стараясь, чтобы буквы не прыгали, чтобы текст выглядел твёрдым, уверенным — даже если внутри всё дрожало.

«Ты передал компромат. Я отдаю сына. Талию пока отдай обратно Кристиану».

Секунду смотрел на эти строки, надеялся, что они изменятся, станут мягче, менее окончательными. Но они оставались такими, какие есть, — жёсткими, как приговор.

Нажал «Отправить».

Ответ пришел сразу же:

«Ок».

Глава 6. Кристиан

12 часов назад...

Стояла глубокая ночь — та самая, когда город будто выдыхает, сбрасывая дневную суету, и остаётся наедине с тенями. Но в моём кабинете не было ни покоя, ни тишины. После завтрака, когда на какойто миг мне и правда показалось, что я обычный человек — просто мужчина, который сидит за столом рядом с любимой женщиной и пытается говорить о чёмто простом, — всё перевернулось с ног на голову.

Этот маленький ублюдок Тьяго решил действовать. И теперь во мне кипели противоречивые чувства: с одной стороны, я дал Талии слово не трогать его, а с другой — в груди манило желание закопать его там, где никто и никогда его не найдёт.

Не оборачиваясь от окна, я бросил в сторону комнаты:

— Как он, сука, добрался до того склада? И откуда он узнал, что именно там сейчас находится основная поставка?

В комнате повисла пауза. Рико, Марко и Алекс молчали, но каждый посвоему: Рико сжимал кулаки уже представляя, как вцепляется в коготи. Марко быстро щёлкал клавишами ноутбука, возвращая себя в работу, чтобы не поддаться эмоциям. Алекс стоял чуть в стороне, спокойный и собранный — слишком собранный, как мне казалось.

— У нас явно появился тот, кто сливает информацию, —

отозвался Алекс.

Сука. Как же мне хотелось в эту секунду схватить его за грудки и тряхнуть так, чтобы зубы клацнули. Потому что этот крот был здесь, в моём круге, и я почти знал, кто это. Почти. Но доказательств пока не было, а без них я не мог позволить себе сорваться.

— Марко, позвони Нестору. Скажи, чтобы он временно не высывался. Нельзя сейчас раскрывать наш главный козырь. Пусть держится в тени.

— Будет сделано, — коротко ответил Марко и тут же принялся печатать что-то в ноутбуке, его пальцы летали по клавишам с привычной скоростью.

Я наконец отвернулся от окна и обвёл взглядом комнату, задерживаясь на каждом лице, пытаюсь прочесть хоть малейшую тень вины или страха.

— План такой, — произнёс я, стараясь, чтобы голос звучал без срывов. — Пока мы ничего не будем предпринимать. Пусть всё остаётся как есть. То, что удалось сохранить, — отправляем первым в списке заказчиков. Остальным приносим извинения и обещаем, что груз будет через несколько дней. Кто начнёт возникать — попробуйте договориться о компенсации.

Алекс чуть наклонил голову взвешивая мои слова:

— А если запросят огромную сумму компенсации?

— Тогда пошлите их к чёрту, — рявкнул я. Я сделал паузу, глубоко вдохнул, пытаюсь вернуть себе контроль. — Алекс,

иди проверь, чтобы все камеры были настроены и ни одного сбоя. Всех, кто заезжает на территорию, — проверяем полностью. Если увидите хоть тень подозрительности — снимайте хоть штаны, хоть ботинки. Но не дай бог, в моём доме случится что-то, что может угрожать Талии.

Алекс кивнул и вышел, закрыв за собой дверь. Рико шагнул ближе, его лицо было серьёзным, без привычного веселья:

— Кристиан, ты уверен, что нам не стоит ударить прямо сейчас? Пока они думают, что мы в шоке.

Я покачал головой:

— Нет. Сейчас мы не ударим. Сейчас мы будем делать вид, что всё под контролем. Пусть Тяго думает, что он умнее, что он перехватил инициативу. Мы дадим ему почувствовать вкус победы — а потом вырвем этот вкус у него изо рта.

Марко оторвался от экрана и посмотрел на меня:

— Ты думаешь, он играет не один?

— Я в этом уверен, — спокойно ответил я, хотя внутри всё кипело. — У него есть кто-то внутри. И пока мы не вытащим эту крысу, любой наш шаг будет идти им на руку.

— Значит, играем в ожидание. — Хмыкнул Рико.

— Именно, — я снова подошёл к окну и посмотрел на тёмный двор, где охрана проверяла каждый дюйм участка, где камеры ловили каждый шорох, каждый лишний шаг. — Мы не будем паниковать. Мы будем считать ходы. И когда я

найду доказательство, кто слил информацию, он пожалеет, что вообще родился.

— Кристиан, — почти шёпотом сказал Марко. — Почему ты сейчас не хочешь его устранить? Ты же уже знаешь правду.

— Потому что у меня нет доказательств, — отрезал я, не оборачиваясь. Пусть Алекс пока остаётся на виду. Слепой, уверенный в своей безнаказанности — так он скорее выдаст себя. — Пусть думает, что всё идёт по его плану.

— Но если он сделает ей больно? — спросил Рико, и в его голосе прозвучало то, чего я от него не ожидал: тревога. Для него Талия была не просто женой босса — она была человеком, которого он уважал. И сейчас эта тревога делала его тоже уязвимым.

— Нет. Тут он предпринимать ничего не будет. Не так глуп. Он понимает: если тронет её, я не просто убью его — я разнесу всё, что ему дорого, по кирпичику.

Рингтон телефона ударил по нервам, заставив всех вздрогнуть. На долю секунды в комнате повисла нелепая пауза, а потом у Рико вырвался короткий, почти истерический смешок — нервная реакция на напряжение, которое висело в воздухе.

— Да? — лениво протянул Марко в трубку. — Нет... Что? Адрес? Живо!

Он резко завершил разговор и несколько секунд сидел, не решаясь поднять глаза. Его лицо, ещё минуту назад собран-

ное и холодное, теперь выглядело так, будто из него вынули стержень.

— Не тяни.

— Нейтлин... Её никто не видел уже сутки. Нестору звонили из администрации — коллеги начали переживать, а он думал, что она дома, после их ссоры. Последняя её локация — в Стемфорде.

— Что она там могла делать? — Я уже не мог сдерживать панику, она рвалась наружу, царапая горло. Нейтлин — моя сестра. Если с ней что-то случится, я не прощу себе этого. Ни себе, ни тем, кто окажется виноват. — Позови Дженни.

Рико молча отошёл в угол комнаты. Марко уже склонился над ноутбуком, быстро вбивая координаты и сверяя данные.

Мы с ним одновременно уставились на карту, где тонкая линия тянулась от её дома до Стемфорда.

— Почему она так петляла? — пробормотал я, вглядываясь в изломанный маршрут. — Как будто пыталась сбросить хвост.

— Может, по работе. Она всё-таки адвокат, — неуверенно предположил Марко, но сам тут же покачал головой, сам не веря в эту версию.

— Нет. Тут что-то другое.

— Кристиан, звал? — в дверях появилась Дженни. Она стояла ровно, но в её позе читалось напряжение — она уже знала, что сейчас услышит что-то плохое.

— Да. Нейтлин пропала. Мы сейчас поедem на её послед-

ную локацию. — Я посмотрел на Дженни прямо, стараясь вложить в взгляд хоть каплю уверенности, которой на самом деле не было. — Не переживай. Мы уверены, что это связано с её работой. Но проверить всё равно стоит. Талии — ни слова.

Дженни застыла на месте. Глаза расширились, губы чуть приоткрылись, но она не могла вымолвить ни звука.

— Дженни, ты меня услышала? Не дай бог Талия начнёт волноваться ещё и за подругу. Ей сейчас нельзя.

— Я тебя поняла, — наконец выдохнула она, сжимая кулаки. — Держи меня в курсе. Хорошо?

— Да, — сухо ответил я. Если бы я сейчас позволил себе хоть каплю эмоций, паника вырвалась бы наружу и смела всё.

Она кивнула и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. В комнате снова стало тихо — но теперь эта тишина была другой, она была пропитана страхом.

Я провёл ладонью по лицу, пытаюсь стряхнуть ощущение беспомощности.

«Твою мать, — мелькнуло в голове. — Почему я окружён отчаянными женщинами, которые вечно лезут туда, где их не ждут? Которые ненавидят меня за то, что я пытаюсь их защитить, и всё равно делают посвоему?»

— Марко, собирай людей. Рико, проверь оружие и машины. Мы выезжаем через двадцать минут.

Они кивнули и разошлись по своим задачам. Каждый понимал: сейчас секунды решают всё.

Я пошёл в сторону комнаты Талии и остановился напротив её двери. Сквозь щель пробивался тёплый свет, и на секунду мне показалось, что я могу на миг стать просто мужчиной, который войдет и поцелует свою женщину. Но, это была лишь иллюзия. Всего лишь моя фантазия. Поэтому я сжал кулаки и развернулся, уходя прочь.

В домике охраны я нашёл Алекса. Он стоял у мониторов, спокойно отслеживая периметр.

— Из дома не выходи, — сказал я, глядя ему прямо в глаза, чтобы он не смог спрятаться за вежливым кивком. — Будь где-то поблизости. На случай, если Талии понадобится помощь.

— Но я думал, я вам помогу... — начал он, и в его голосе прозвучала обида человека, которого отстраняют от дела, в котором он считал себя нужным.

— Сейчас твоя помощь нужна тут как никогда, — ответил я, положив руку ему на плечо. То ли подбадривая, то ли клеймя этим прикосновением: «Ты остаёшься здесь. Это твой пост».

Спустя полтора часа мы были на последнем месте нахождения Нейтлин. Это оказалась простая, обшарпанная комната в старом доме — временное убежище, которое кто-то оборудовал наспех. На столе стоял ноутбук, рядом валялись какие-то документы, папки, исписанные листы. Всё выглядело так, будто она ушла в спешке.

— Она тут была, — констатировал Рико, проводя рукой

по спинке стула.

— Да что ты, блять, говоришь, — огрызнулся я, не в силах сдержать раздражение. Каждая очевидная фраза сейчас звучала как издевательство.

— Не кипятись. Практикуем хладнокровие, — встрял Марко, стараясь говорить ровно.

— Заткнись, Марко. Просто заткнись, — выдохнул я, закрывая глаза на секунду, чтобы не сорваться. — А ты, Рико... тоже просто заткнись.

Я сел за компьютер Нейти и начал искать хоть какую-то зацепку: письма, историю браузера, последние файлы, чаты — всё, что могло бы дать направление. Система загрузилась, и я начал щёлкать по папкам, вглядываясь в названия, пытаюсь сложить из них хоть какой-то смысл.

Спустя 10 часов...

Мы проверили всё, до чего смогли дотянуться: камеры, знакомых, старые контакты, маршруты, банковские транзакции. Каждый шаг давал нам не ответы, а новые вопросы.

— Есть два варианта, — сказал Марко, глядя на карту, где красными точками были отмечены возможные локации. — Либо Гленвилл, либо Элвуд.

— Совершенно разные направления, — отозвался Рико, хмуро глядя на экран.

— Верно, — коротко бросил я, чувствуя, как внутри разрастается тяжесть. Два направления. Две дороги. И только

одна из них могла привести к ней.

Я смотрел на карту, на эти две точки, разделённые десятками километров, и понимал: мы не можем быть в двух местах одновременно. Не можем позволить себе ошибиться.

— Ктото должен поехать в Гленвилл, — наконец произнёс я. — Второй вариант — Элвуд. Разделимся.

Марко кивнул, уже просчитывая логистику, время в пути, возможные укрытия. Рико молча достал телефон, чтобы подготовить группу поддержки.

— Нужно узнать, как прошёл приём у Талии, — напомнил мне Марко.

— Я сказал, чтобы она сама позвонила. Не хочу отвлекать её и быть источником лишних нервов, — отрезал я, но внутри уже шевелилось предчувствие.

И тут зазвонил телефон. Талия.

Тревога поднялась мгновенно, горячей волной ударила в грудь, и я уже знал: случилось. Чтото непоправимое.

— Алло? — В трубке повисло слишком долгое молчание, прерываемое тихими всхлипами. — Талия, что случилось? Почему ты молчишь? Говори!

— Кристиан... Кристиан... Помоги мне, — её голос был тонким, дрожащим, она цеплялась за моё имя, как за последнюю опору.

— Ты где? — я уже почти срывался на крик, но усилием воли заставлял себя говорить чётко. — Талия, послушай. Посмотри по сторонам. Где ты?

— Я... я не знаю точного адреса. Мы приехали на какой-то заброшенный склад... примерно в пятнадцати минутах от поворота с 25й авеню. Но он ехал слишком быстро. Это Алекс. Он ударил меня. И какойто мужчина... Они сказали, что ждут...

— Кого? — рывкнул я, и в этом вопросе было всё: страх, ярость, отчаяние.

— Ждут Тяго... Кристиан, мне больно! — её голос сорвался, и от этого звука у меня внутри чтото треснуло.

— Твою мать! — Я резко повернулся к парням. — Поднять всех. Живо. Пробить локацию. Если с её головы упадёт хоть один волос, я лично закопаю каждого, кто к этому причастен.

— Мне страшно... — прошептала она. А потом в трубке щёлкнуло — и наступила тишина.

Я сжал телефон ластик скрипнул, и поднял глаза на Рико и Марко.

— Рико, звони Алексу. Спрашивай, где они, но так, будто мы ничего не знаем. Спокойно. Как будто это обычный отчёт.

— Марко, пробей всё. Камеры, любые записи. Хоть тень следа.

— Уже, — коротко бросил Марко, пальцы летали по клавиатуре, экран перед ним вспыхивал маршрутами. — Есть. Они на складе недалеко от гаражного массива, 32я авеню. Склад номер 17.

— Выезжаем, — я уже двигался к выходу, шаги отдавались в груди тяжёлым ритмом. — Рико — со мной. Марко — в Элвуд. Нейтлин там.

— Как ты понял? — Марко на секунду замер.

— Алекс. Это всё его рук дело. Нейтлин в порядке. Но я уверен, что она там. Там корни Нестора. Она искала информацию о нём. Я уверен, — выпалил я на ходу, почти бежа к машине. Марко параллельно вбивал в навигатор адрес для своих парней, раздавая команды короткими фразами.

Я давил на газ, не замечая ничего вокруг — ни встречных фар, ни гудков, ни криков из открытых окон. Машина летела вперёд.

— Эй, старик, — тихо пробормотал Рико, сидя рядом и держась за ручку двери, — её нужно спасти, а не погибнуть по дороге к ней.

Но я не мог сбавить скорость. Каждая секунда была каплей времени, которую я не мог себе позволить потерять.

Спустя час мы были там, куда указал Марко. Я поставил машину в паре складов от нужной локации, стараясь не выдать наше приближение. Вытащил пистолет, проверил обойму — движения были механическими, доведенные до совершенства годами, но сейчас в них не было спокойствия, только напряжение, готовое взорваться.

Мы двинулись к складу, прижимаясь к стенам, сливаясь с теньями. Рико и ещё несколько парней шли следом, держа оружие наготове, их шаги были почти бесшумными.

Я остановился за углом и выглянул. Возле входа в амбар стоял Алекс. Он курил, стряхивал пепел, и на его лице было то самое выражение — лёгкая, самодовольная улыбка человека, который считает себя умнее всех.

Ярость поднялась во мне, но я загнал её вглубь. Сейчас не время для эмоций. Сейчас время для действий.

Я аккуратно подкрался сзади и одним резким движением ударил его по затылку. Алекс даже не успел понять, что произошло — он рухнул на землю, как мешок, и затих.

— В машину его. Связать. Забрать всё оружие, — бросил я, не глядя. Парни тут же подхватили его.

А потом я открыл железные двери амбара.

То, что я увидел внутри, ударило по мне сильнее любого удара. Талия лежала на холодном бетоне, в тёмной луже крови. Её одежда была разорвана, она выглядела маленькой, беззащитной и чужой в этом безжизненном месте.

Я сделал шаг вперёд — и замер. Не смог подойти ближе. В груди всё сжалось, и единственное, что я мог думать, было: «Это моя вина». Я знал, что Алекс — предатель. Парни предупреждали. Они, чёрт возьми, говорили мне об этом. Но я понадеялся на его порядочность. Понадеялся, что он не зайдёт так далеко. Как я мог так ошибиться? Я ведь обещал ей защиту.

Ещё один шаг. Потом ещё. Я упал перед ней на колени, руки дрожали, и я боялся дотронуться до неё, мне казалось от моего прикосновения ей станет больнее.

— Талия, девочка моя, — я кричал, нет, выл, как раненый зверь, повторяя эти слова, как мантру. — Я спасу тебя. Я помогу тебе.

Снял пиджак и аккуратно укрыв её, стараясь не причинить лишней боли. Потом поднял на руки — она была такой лёгкой, словно из неё уже ушла часть жизни.

— Рико, за руль. Живо!

Я сел на заднее сиденье, прижимая её к себе, глядя по волосам, шепча что-то бессвязное, лишь бы она слышала мой голос, лишь бы знала, что она не одна.

Рико вдавил педаль газа в пол. Машина рванула вперёд, разрывая пространство рёвом двигателя. Параллельно он звонил в клинику, коротко и чётко объясняя, какие травмы могут быть, чтобы они были готовы.

Талия то приходила в себя, то снова проваливалась в темноту. Её дыхание было прерывистым, неровным, и каждый раз, когда оно затихало хоть на секунду, моё сердце останавливалось вместе с ним.

— Маленькая моя, прости меня, — шептал я снова и снова, прижимая её крепче, мне казалось, что так я мог удержать её жизнь в своих руках. — Я не выполнил своё обещание. Пожалуйста, прости...

Возле входа в больницу нас уже ждала бригада врачей — с капельницами, кушеткой, готовностью действовать. Я аккуратно передал её в их руки, чувствуя, как из меня уходит вся сила, оставляя только пустоту и страх.

Её увезли в реанимацию, и я остался стоять в коридоре, не понимая, как двигаться дальше, как дышать, пока не узнаю, что с ней всё будет хорошо.

Операция длилась уже четыре часа. Рико стоял рядом, молча, просто оставаясь здесь, потому что знал: сейчас слова не нужны. Марко уже ехал к нам. А Алекса тем временем завезли в подвал нашего дома и посадили под замок. Пусть этот ублюдок ждёт своего наказания.

Я смотрел на тяжёлые двери операционной, и в груди всё сжималось так, будто кто-то медленно выкручивал сердце. Молился всем богам, которых когда-то забыл, даже тем, чьих имён уже не помнил. Просил только об одном: чтобы она выжила. Чтобы я успел. Чтобы когданибудь она снова посмотрела на меня — и в её взгляде не было боли. И чтобы не возненавидела меня за то, что я не смог её уберечь. За то, что не сдержал своё обещание.

Двери разъехались с тихим шипением, и оттуда вышел врач — высокий, с усталыми, но спокойными глазами. На нём был халат, забрызганный кровью, и это пятно на ткани ударило по сознанию.

— Я доктор Мелсвул. Проводил операцию, — сказал он, глядя на меня не как на человека, который одним звонком может стереть с лица земли половину района, а просто как на человека, который стоит на краю пропасти и держится из последних сил. — Вы знали, что она была беременна?

В голове щёлкнуло, и весь мир на секунду сжался до од-

ного слова: «Была». Я только коротко кивнул, не в силах выдать ни звука. Горло стянуло стальной проволокой.

— Травмы, которые она получила... в том числе во время полового акта, — он на секунду запнулся, подбирая слова так, чтобы они не звучали как приговор. — В общем, ребёнка спасти не удалось. Сейчас её жизни ничего не угрожает, но она потеряла много крови. Она очень слаба. Я рекомендую несколько дней подержать её в искусственной коме — это даст организму шанс немного стабилизироваться. Хотите знать пол ребёнка?

Я снова кивнул. Мне казалось, что если я сейчас заговорю, голос сорвётся, и тогда я уже не смогу собрать себя обратно.

— Это была девочка, — тихо произнёс он. — И мой совет: найдите для неё хорошего психолога. Когда она придёт в себя, ей будет очень тяжело. Первые дни — самые опасные не для тела, а для души.

— Спасибо, — прошептал я, но это слово было слишком маленьким для того, что он только что сделал. — Когда я смогу её увидеть?

— Её через час перевезут в палату. Вы можете расположиться там, подождать. Это будет лучше, чем сидеть в коридоре.

— Спасибо, — повторил я, на этот раз чуть твёрже, и пожал ему руку. Он не понимал, что только что спас не только Талию. Он спас и меня — вернул мне крошечный шанс не утонуть в собственной вине.

— Рико, — почти беззвучно позвал я, не отрывая взгляда от дверей, за которыми только что исчезла вся моя прежняя жизнь. — Спроси, что им нужно. Профинансируй всё, что потребуется. И... поблагодари его. Понастоящему.

— Хорошо, — так же тихо ответил Рико..

Я знал, что Талия была для Рико не просто моей женой. Они стали близки посвоему, настолько, насколько это вообще возможно в нашем мире. В ней он видел свою сестру Эльму — такую же сильную духом, такую же упрямую, такую же хрупкую под этой бронёй. И то, что Талия пережила почти то же, что когда-то Эльма... это медленно добивало его. Если бы Талия погибла так же, как она, — случайность, нелепый поворот судьбы, один неверный шаг, — это сломало бы Рико окончательно.

Через час её привезли в палату с приглушённым светом, где единственным звуком было ровное дыхание аппарата. Я сел рядом, взял её холодную руку в свою и прижался лбом к её запястью, где пульс был едва ощутимым, но всё же был.

— Прости меня, — шептал я, снова и снова, зная, что она не слышит. — Прости, что позволил этому случиться. Прости, что не увидел, не понял, не остановил. Я буду здесь. Я никуда не уйду. И когда ты проснёшься, я сделаю всё, чтобы ты снова смогла дышать спокойно. Даже если для этого мне придётся уничтожить каждого, кто посмел к тебе прикоснуться.

Рико тихо прикрыл дверь, оставив меня наедине с ней и с

моей виной. А я достал телефон и набрал номер.

— Марко, — сказал я, когда на том конце сняли трубку. — Едь сюда. И прихвати с собой всё, что нужно, чтобы мы могли работать отсюда. Мы не оставим её одну. Ни на секунду.

На следующее утро в палату ворвалась Нейтлин. Глаза пылали, лицо было бледным от ярости и слёз.

— Это всё твоя вина, Кристиан! Ты виноват в этом! Как ты можешь что-то обещать, если даже не в состоянии удержать своих же людей?!

В её словах была правда. Она была права во всём. Но она не понимала моих чувств — не могла понять, потому что её боль была другой: она видела в Талии сестру, которую чуть не потеряла, и в этой потере искала виноватого. А виноватым был я.

— Ты привёл её в этот мир! Если бы ты её оставил... — её голос начал надламываться, в глазах блеснули слёзы, готовые сорваться вниз.

— Если бы я её оставил, она бы уехала в другую страну и стала женой другого дона. И, возможно, ей угрожала бы ещё большая опасность, — ответил я ровно, хотя внутри всё сжималось.

Наш разговор прервал телефонный звонок. Незнакомый номер. Я ответил, уже зная, что ничего хорошего ждать не стоит.

— Алло?

— Оперативно, друг мой. Но сейчас она с тобой по моей милости, а не с человеком, который это всё устроил.

— Альварес?

— Верно, друг мой. Он сказал, что пока позволит тебе насладиться ее обществом. Но скоро он заберёт её у тебя. Скоро он пойдёт в наступление. Совет: проверь перед войной всех своих людей.

— Зачем тебе это? На чьей ты стороне?

— На той, у кого больше денег и власти. На той, кто победит.

Звонок отключился.

— Кто звонил? — спросила Нейтлин, вытирая тыльной стороной ладони слёзы, стараясь вернуть контроль.

— Человек, который помог организовать всё это. И сказал, что в этом замешан он.

— Он? — переспросила Нейтлин. Она знала, что под «он» я подразумеваю Тьяго. Но я видел, что она не хочет в это верить — не может поверить, потому что когда-то знала его другим. — Зачем ему это? — она обвела руками вокруг себя, указывая на палату, на больничные аппараты, на эту стерильную тишину, пропитанную страхом.

— Затем, чтобы забрать её.

— Если бы не ты, он бы забрал только её тело.

— Я думаю, он об этом не знает. Но он знает, что она была похищена, и намекнули, что это по его плану.

— Бред! Я знала Тьяго! Он на это не способен!

— Ты не знаешь, что происходит, когда люди становятся донами и обязаны защищать огромное количество людей. Когда встаёт выбор между сердцем и долгом.

— Вчера ты выбрал сердце.

— Вчера я выбрал сердце, — повторил я, это слово было ключом, который никак не подходил к замку.

— И, если быть честным, дорогая сестрица, если бы мне не пришлось искать тебя, я бы сам отвёз её на приём. И мы бы избежали этого, — я указал на палату. Никто из нас не хотел произносить вслух, что Талия чуть не погибла. Эти слова были слишком тяжёлыми, чтобы их ронять в воздух.

— О нет, дорогой мой, не перекладывай на меня вину!

— Но это так, — отозвался Марко, входя в палату с ноутбуком под мышкой и папкой в руке. — Нам пришлось ехать к чёрту на кулички в поисках тебя.

— Нет. Нет. Нет, — Нейтлин замотала головой, будто могла этим движением стереть всё, что только что услышала. Слезы снова навернулись на глаза, она резко развернулась и выскочила из палаты, хлопнув дверью так, что задрожали стёкла.

— Кристиан, она жива. Всё позади, — тихо сказал Марко, положив руку мне на плечо.

— Всё только начинается, — пробормотал я и снял руку с плеча выходя из палаты, чтобы найти Нейтлин, чтобы хоть как-то попытаться объяснить то, что объяснить невозможно.

По дороге я встретил Рико. Он стоял у поста медсестры и

заигрывал с очередно блондинкой.

— Ну что, босс, — бросил он, чуть понизив голос, чтобы не слышали лишние уши, — если Нейтлин начнёт кидаться стульями, скажи мне. У меня в багажнике как раз лежит запасной. На всякий случай.

Это была глупая шутка. Но в ней было столько такого родного, что я едва заметно усмехнулся — первый раз за эти сутки, когда мышцы лица не сводило от напряжения.

— Спасибо, Рико. Если начнёт кидаться, я позову.

Глава 7. Талия

Боль не уходила. Она просто сменила форму: из острой, режущей, которая валила с ног в первые часы, превратилась в тупую въедающуюся в кости. Первые дни после того, что произошло, я почти не помню — только вспышками.

Моё восстановление продвигалось мучительно медленно. Гематомы на теле лиловели, перетекая из тёмнофиолетового в грязножёлтый, тело само старалось избавиться от следов того вечера, стереть. Каждый вдох отдавался болью в рёбрах — казалось, даже воздух стал тяжелее, чем раньше, и приходилось буквально проталкивать его в лёгкие. Живот болел там, где жизнь оборвалась: ныл, горел, напоминал о себе при каждом движении, при каждом вздохе, который я пыталась сделать чуть глубже. А ноги едва держали мой вес: за эти дни я растеряла всю силу, и теперь приходилось заново учиться просто стоять.

В углу палаты, в кресле, сидел Кристиан. Он почти не спал и не уходил. Осунувшийся, с тёмными кругами под глазами, с жёсткой щетиной, он казался тенью самого себя. В его глазах застыла вина. Она висела между нами, как пелена, и от неё мне становилось физически тошно: хотелось отвернуться, закрыть глаза, сделать так, чтобы её не было видно. Потому что смотреть на эту вину было больно — не меньше, чем на собственные синяки.

— Кристиан... — выдохнула я, и сама не поняла, зачем позвала. То ли чтобы убедиться, что он всё ещё здесь, то ли чтобы услышать хоть один живой голос в этой тишине, где каждый звук казался чужим.

Он мгновенно вздрогнул, вскочил и в два шага оказался около меня.

— Я здесь. Я тут. Тебе больно? Позвать врача? — в его голосе была паника и в то же время в нём слышалась готовность броситься хоть в огонь, лишь бы убрать эту боль.

Я посмотрела на него, и в груди волной поднялось что-то дикое, не поддающееся никакой логике. Мне одновременно хотелось раствориться в нём, спрятаться от этого кошмара в его руках — и разорвать его на части за то, что этот кошмар вообще случился.

— Подойди ближе, — прошептала я, голос дрожал, но в нём уже была отчаянная решимость.

Он наклонился, боясь спугнуть меня резким движением, замер в сантиметре от меня, готовый отступить, если я скажу «нет». И в этот момент я резко, преодолевая вспышку боли во всем теле, приподнялась, обхватила его шею дрожащими пальцами и притянула к себе.

Мои губы накрыли его губы.

Этот поцелуй не был про любовь или нежность. Это был отчаянный порыв утопающего, который хватается за обломок скалы, обдирая руки до крови. Я целовала его с какой-то лихорадочной жадью, впиваясь пальцами в ткань его ру-

башки, чувствуя его тело, парализованное шоком. Я хотела доказать себе, что я всё ещё жива. Что я ещё могу чувствовать хоть что-то, кроме боли.

Кристиан осторожно, словно боясь сломать меня, накрыл мои ладони своими — и тут меня накрыло. Я резко оттолкнула его, едва не упав обратно на подушки. По щекам хлынули слёзы, горячие, злые, неудержимые.

— Не уходи... Пожалуйста, Кристиан, стой рядом! — закричала я, тут же отчаянно хватая его за руки, вцепляясь в его запястья, мне казалось если отпущу — меня унесёт в эту пустоту, где нет ни стен, ни врачей, ни даже меня самой. — Не оставляй меня одну! Мне страшно, мне так страшно... Эти стены, эти врачи... Они меня душат! Будь со мной!

— Я здесь, Талия. Я никуда не уйду, я держу тебя, — он опустился на колени у моей койки, целовал мои пальцы, и в его голосе звучал надрыв, я знала каждое слово давалось ему через силу.

Но в ту же секунду рыдания в моей груди сменились ядом. Перепад настроения был настолько резким, что я сама ужаснулась своей ярости, которая вырвалась наружу, как зверь из клетки. Я с силой выдернула руки и ударила его кулаком в грудь. Удар получился слабым из-за слабости тела, но в нём было столько боли, что он вздрогнул.

— Это всё ты! — вопила я, и мой голос ломался на хрип, срывался, но я не могла остановиться. — Это ты виноват! Ты притащил меня в этот ад! Ты обещал, что я буду в безопас-

ности! Ты обещал уберечь меня и моего ребёнка! Ты поставил ко мне Алекса! Своего верного пса, который оказался мразью! Ты разрушил мою жизнь! Я ненавижу тебя! Слышишь? Ненавижу!

Кристиан даже не пытался защищаться. Он стоял передо мной на коленях, принимая каждый мой удар и каждое ядовитое слово, как заслуженное наказание. Ни оправданий, ни попыток перебить, ни гнева в ответ — только эта покорность.

— Да... Ты права, — отозвался он, не опуская глаз. — Вся вина на мне.

И едва он это произнёс, как моя ярость рассыпалась в прах, будто её и не было. Она сгорела в одну секунду, оставив после себя стыд. Я сжалась в комок на кровати, закрыла лицо руками и забилась в истерическом плаче, который рвал грудь и не давал дышать.

— Прости... Прости меня, Кристиан! — задыхалась от слёз, снова протягивая к нему дрожащие ладони. — Прости! Я не хотела... Я не знаю, что со мной происходит! Я схожу с ума... Не оставляй меня, пожалуйста, не уходи!

— Талия... милая, тише, тебе нельзя так волноваться, — он снова аккуратно обнял меня, прижимая к своей груди, не слишком крепко, чтобы не причинить боль, но достаточно, чтобы я чувствовала, что он здесь, настоящий, тёплый и живой.

Я уткнулась носом в его плечо, судорожно вдыхая его за-

пах, пытаясь уцепиться за реальность, за что-то простое и настоящее, что не может предать. Слезы всё лились, но постепенно рыдания становились тише, превращаясь в прерывистые вздохи.

— Я не уйду, — повторил он, и в этот раз его голос звучал твёрже, как клятва. — Даже если ты снова будешь кричать на меня. Даже если будешь бить. Я буду здесь. Потому что ты имеешь право злиться. Ты имеешь право ненавидеть меня за это. Но я не оставлю тебя одну.

Я вцепилась пальцами в его рубашку, сейчас это была единственная опора в мире.

Гдето за дверью слышались шаги, тихий голос медсестры, но я не хотела слышать ничего, кроме его голоса, кроме ровного дыхания, которое сейчас было для меня важнее любого лекарства.

— Расскажи мне что-нибудь, — прошептала я, не поднимая головы, не в силах смотреть ему в глаза. — Что-нибудь обычное. Про что угодно. Про дождь. Про то, как пахнет кофе утром. Про что-нибудь, где нет этого места, нет этих стен, нет... всего этого.

Он чуть крепче прижал меня к себе, на секунду замер, собираясь с мыслями, а потом тихо, почти шёпотом, начал:

— Когда я был мальчишкой, мы с отцом каждое воскресенье ездили на старую набережную. Там всегда пахло солью и мокрым деревом. Он покупал мне горячий пончик, и мы просто сидели на скамейке и смотрели, как волны бьются о

свай. И знаешь, что самое странное? В те минуты мне казалось, что весь мир — это только эта набережная, этот пончик и этот запах. И ничего больше не нужно.

Я слушала, цепляясь за каждое слово, позволяя им вытеснять из головы те, другие, страшные. И постепенно дыхание становилось ровнее, а пальцы, сжимавшие его рубашку, чуть разжимались.

— Ещё, — прошептала я. — Ещё про что-нибудь. Про что-нибудь хорошее.

И он продолжал говорить. Не спеша, подбирая слова, какое-то из них было маленьким островком, на который я могла ступить, не проваливаясь в темноту.

А я слушала. И впервые за эти дни чувствовала, что, может быть, смогу снова научиться дышать. Не так, как раньше. Но дышать.

Через несколько дней Кристиан привёз меня домой. Но особняк больше не казался мне просто золотой клеткой. Он стал склепом. Я не могла найти себе места. Мои перепады настроения сводили с ума и меня, и всех вокруг. В одну минуту я могла часами сидеть у окна, тупо уставившись в одну точку и погрузившись в апатию, а в следующую — метаться по комнатам, заламывая пальцы и задыхаясь от подступающей паники.

Рядом со мной постоянно находились Дженни и Рико. Дженни, ходила за мной по пятам, держа наготове успокои-

тельные препараты. А Рико... Рико стал моей немой тенью. Из его глаз исчез привычный озорной огонек. Он смотрел на меня с такой глубокой болью — словно видел во кого-то другого. Кажется, он винил себя не меньше Кристиана. Каждый раз, когда я вздрагивала, Рико словно невзначай заслонял меня спиной, давая понять: здесь мне ничего не угрожает.

— Талия, выпейте чаю, — тихо попросила Дженни, протягивая мне чашку.

Я резко обернулась, ощущая, как внутри снова закипает необоснованная агрессия:

— Не хочу я ваш проклятый чай! Оставьте меня в покое! Выйдите все! Денни виновато опустила голову и отступила. Рико мягко тронул её за плечо, разрешая уйти.

— Талия, всё хорошо. Мы просто рядом, — спокойно сказал Рико. Я оперлась руками о край стола и тяжело задышала, сжимая зубы.

— Где Кристиан? — резко спросила я. — Позовите Кристиана! Мне нужен Кристиан! Вызовите его сейчас же!

— Он на совещании с Марко, — ответил Рико. — Я сейчас позову...

— Нет! — закричала я, замахав руками. — Не надо! Пусть не приходит! Я не хочу его видеть! Видеть его не могу, от него пахнет кровью и болью! Пусть убирается из дома!

Я сама не понимала, чего хочу. Я требовала Кристиана каждые десять минут, рыдала и молила его прийти, а едва он появлялся на пороге — прогоняла его с проклятиями. Но в

сегодня истерика сменилась ясностью. Когда Кристиан сам быстро вошёл в столовую, услышав мои крики, я уже стояла посреди комнаты — прямая, несмотря на бледность и дрожь в коленях.

— Мне нужно на работу, — выговорила я, смотря ему прямо в глаза.

В комнате повисла тишина. Дженни замерла у двери, Рико нахмурился, а Кристиан медленно сделал шаг ко мне:

— Талия, ты едва держишься на ногах. Какая работа? Тебе нужен покой, восстановление...

— Мне нужно выйти на работу! — перебила я, и в моем голосе впервые за долгое время зазвенели стальные, нетерпящие возражений ноты. — Ты слышишь меня? Мне нужно работать! Я не могу сидеть в этих четырёх стенах! Если я останусь здесь ещё хоть на пару дней среди этих подушек, воспоминаний и твоей вины — я окончательно сойду с ума! Мне нужно делать хоть что-то! Мне нужна моя жизнь!

— Талия, это слишком опасно... — попытался возразить он.

Я шагнула к нему вплотную, игнорируя вспышку боли в боку.

— Ты обещал, что у меня будет право выбора! Ты забрал у меня всё: моё тело, моего ребёнка, мою свободу! Отдай мне хотя бы работу! Если ты меня непустишь, я выпрыгну из окна этой проклятой спальни!

Кристиан смотрел на меня — сломанную, нестабильную,

горящую внутренним разрушительным огнём. В его глазах я увидела борьбу. Он понимал: если сжать тиски контроля ещё сильнее, я действительно разрушу себя окончательно. Он закрыл глаза, глубоко вздохнул и тихо произнёс:

— Хорошо. Ты вернёшься к работе.

Я замерла, не веря, что он так быстро сдался.

— Но, — добавил Кристиан, и его взгляд стал стальным, — только на моих условиях. Ты будешь работать под постоянной охраной. Рико будет следовать за тобой шаг в шаг. Каждая минута твоего передвижения будет под контролем. Ты не сделаешь без него и шагу.

— Согласна, — выдохнула я, даже не раздумывая. — Я позвоню Нейти.

Я развернулась и пошла к себе, обхватив плечи руками. Я получила то, чего просила. Но где-то глубоко внутри понимала: «новая жизнь» — это иллюзия. Никакой «прежней Талии» больше не существовало.

— Юристом? — Кристиан замер, уставившись на меня так, будто я предложила ему выйти на улицу и голыми руками остановить грузовик. — Талия, ты понимаешь, что ты говоришь? Ты только что из больницы. Ты едва стоишь на ногах. Какая адвокатура?

— Я всё прекрасно понимаю! — мой голос сорвался на крик, от которого в груди снова закололо невыносимой болью. Я стиснула зубы, заставляя себя говорить тверже, хотя внутри всё дрожало. — Я не собираюсь сидеть в этом про-

клятом доме и смотреть на стены, которые давят на меня со всех сторон! Я училась пять лет. Я писала диплом ночами. У меня есть мозги, Кристиан. И если я не начну делать хоть что-то осмысленное, я просто сойду с ума. Окончательно.

Рико, стоявший у дверного проема, молча перевел взгляд с меня на Кристиана. В его глазах не было осуждения — только такая же усталость. Дженни испуганно замерла у дальней стены, теребя в руках край фартука.

— Нейтлин сейчас не в том состоянии, чтобы устраивать тебя куда-либо, — попытался отговорить меня Кристиан, делая шаг навстречу. Он пытался говорить мягко, почти умоляюще, но каждая его попытка «защитить» меня отзывалась во мне протестом. — У неё у самой сейчас проблем выше крыши после всей этой истории с Нестором.

— Меня не волнуют её проблемы! — перебила я, чувствуя, как внутри закипает истеричная злость. — Пусть позвонит своим знакомым. Пусть скажет, что нужен помощник, стажёр, кто угодно! Я не прошусь в верховный суд, Кристиан. Мне всё равно, придется ли мне перекладывать бумажки, сидеть над архивами или заваривать кофе для судей. Мне нужно выйти на улицу. Мне нужно дышать воздухом, в котором нет запаха больницы и паранойи!

Кристиан тяжело вздохнул, проведя ладонью по лицу. Я видела, как он сдерживается, как борется с желанием просто взять меня на руки, занести в спальню и повернуть ключ в замке. Но он помнил мой взгляд на том заброшенном складе.

Он знал, что ещё один виток жесткого контроля просто убьет во мне последние остатки жизни.

— Хорошо, — глухо бросил он, сдаваясь. — Я сам поговорю с Нейтлин.

— Не надо с ней говорить за меня! — вспыхнула я. — Я позвоню ей сама.

Я резко развернулась, чувствуя, как от резкого движения в глазах темнеет, но упрямо зашагала к комоду, на котором лежал тот самый старомодный телефон с крупными кнопками. Пальцы дрожали так сильно, что я едва попадала по цифрам.

Гудки шли долго. Я уже думала, что она сбросит, но на том конце наконец раздался уставший голос:

— Алло?

— Нейтлин, это я, — стараясь придать голосу хоть какую-то твердость, произнесла я.

На линии повисло молчание. Я слышала её тяжелое дыхание. После всего, что случилось, после того как Кристиан и её жених Нестор втянули нас обеих в этот криминальный кошмар, мы почти не общались.

— Талия... — в её голосе послышалось смесь удивления и испуга. — Как ты? Мне сказали, ты дома... Тебе нельзя вставать.

— Плевать на то, что нельзя, Нейтлин. Слушай меня внимательно. Мне нужно выйти на работу. Кем угодно — помощником, секретарём, стажёром. У тебя же куча знакомых в юридической сфере. Устрой меня к кому-нибудь. Пожа-

луйста.

— Талия, ты с ума сошла? — в её голосе прорезались истеричные нотки. — Какая работа?! Ты же... ты же потеряла ребёнка, ты еле живая!

— Если я останусь здесь хоть на день дольше, я выброшусь из окна, Нейтлин! — выкрикнула я так громко, что стоявший у двери Рико мгновенно напрягся, сделав шаг ко мне. — Ты понимаешь меня? Я не могу больше сидеть в четырёх стенах. Мне нужно чувствовать себя живой. Помоги мне. Ради всего святого, помоги.

На другом конце провода снова повисла долгая тишина. Я слышала, как подруга судорожно сглатывает слёзы.

— Ладно... — наконец выдавила она хриплым от плача голосом. — У меня есть знакомый адвокат по гражданским делам. Ему как раз нужен помощник для работы с архивами и составления простейших исков. Никаких судов, никаких выездов, всё в тишине и под крышей. Я позвоню ему сегодня же. Но... Талия, если тебе станет плохо, обещай, что сразу вернешься домой.

— Обещаю, — соврала я не моргнув глазом. Домой возвращаться мне больше не хотелось никогда.

Я бросила трубку и обернулась к Кристиану. Он стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на меня взглядом человека, который только что подписал смертный приговор собственному спокойствию.

— Довольна? — тихо спросил он.

— Пока нет, — честно ответила я, обхватывая себя руками за плечи. — Но это уже начало.

Тьяго

Я стоял у перил, и солёный ветер рвал полы моего пальто, он пытался утащить прочь все сомнения, всю тяжесть, что давила на плечи. Но она не улетала — она въелась в кости и стала частью меня, как старая, въевшаяся в кожу грязь, которую не смыть. Перед глазами всё ещё стояло лицо старейшин — жёсткое, без тени сочувствия: «Мы не можем ждать. Если не ударим сейчас, Чарлинес рухнет».

— Поднять всех, — повторил я, закрепляя приказ, чтобы он стал не просто словом, а действием. — Пусть будут готовы к любому сценарию.

Айрис стояла чуть поодаль, как всегда, не мешая, не нарушая эту тонкую грань между одиночеством и необходимостью принимать решения. Я знал: она ждёт только одного — указания, куда направить следующий удар. Но сейчас главным ударом было не движение вперёд, а попытка удержать всё, что грозило рассыпаться, как карточный домик от одного неверного вздоха.

— И узнай про Талию. Мне нужно знать, что с ней всё в порядке.

— Есть риск, что наблюдение заметят, — спокойно ответила Айрис, констатируя факт. — Если мы начнём проверять маршруты, это может стать сигналом для тех, кто охотится

за ней.

Я на секунду прикрыл глаза. Я знал это. Знал лучше, чем кто-либо. Но не знать было хуже. Не знать — значит позволить страху расти, превращаться в паралич, который сковывает руки в тот момент, когда нужно бить.

— Сделай так, чтобы не заметили. Используй резервные каналы. Тех, кто не светится. Тех, кому я доверяю.

Айрис кивнула. В этом кивке не было одобрения, но было понимание: есть вещи, которые дон не должен объяснять. Есть долги, которые нельзя закрыть приказом. Она развернулась и ушла, бесшумная, как тень, оставляя меня наедине с морем и моими демонами.

Когда она ушла, я снова повернулся к морю. Вода уже стала почти чёрной, и только редкие блики от фонарей на пирсе дрожали на её поверхности, как осколки света, которые никак не могли собраться воедино. Достал телефон, посмотрел на пустой экран, потом медленно убрал его обратно.

«Я не имею права звонить ей. Не сейчас. Если она услышит мой голос и поймёт, что я на грани, она попытается быть сильной. А ей нельзя быть сильной. Ей нужно просто лежать в этой палате и дышать. Просто дышать».

В кармане завибрировал другой телефон — рабочий, тот, по которому приходили только плохие новости. Я вынул его, не глядя, провёл пальцем по экрану. Сообщение от Риверы: *«Северный склад. Два грузовика не вышли на связь. Охрана молчит».*

Внутри всё сжалось. Это уже не была просто задержка. Это был сигнал: война началась без моего разрешения. И теперь я должен был ответить — быстро и без колебаний.

Набрал номер Риверы. Тот ответил после второго гудка — голос напряжённый, собранный, без лишних слов.

— Докладывай, — коротко бросил я.

— Мы проверили маршрут. На третьем перекрёстке их ждали. Не уличные. Слишком чисто работают. Слишком точно знают, где и когда. Двоих моих людей нет. Я не думаю, что они просто пропали.

Я стиснул телефон так, что пластик тихо скрипнул, будто жаловался на давление.

— Кто мог знать маршрут?

— Утечка внутри, — без паузы ответил Ривера. — Или кто-то очень близко к тебе.

Эти слова ударили сильнее любого удара. Потому что я знал: «близко к тебе» — это те, кому ты доверяешь. Те, кого ты считаешь семьёй. Те, с кем делил хлеб и секреты. И мысль о том, что один из них мог предать, была хуже любой пули.

— Найди их. И найди тех, кто это сделал. Живыми или мёртвыми — мне всё равно. Но я хочу знать, кто предал меня.

Отключил звонок и снова посмотрел на море. Теперь оно казалось не спокойным, а хищным — тёмным, холодным, готовым поглотить всё, что окажется слишком слабым.

«Прости, Талия, — снова прошептал я, на этот раз не без-

звучно, а вслух, надеясь, что ветер унесёт эти слова туда, где она сможет их услышать. — Прости, что втянул тебя в это. Что не смог сделать так, чтобы ты осталась в стороне».

Гдето в глубине города вспыхнули огни — яркие, резкие, чужие. Город жил своей жизнью, не подозревая, что на его окраинах уже начинается буря, которая скоро доберётся и до центра.

Я снова достал телефон. Набрал короткий код, подождал, пока на том конце возьмут трубку.

— Начинаем операцию «Прилив». Все точки. Все резервы. Пусть знают: если они ударили по складам, я отвечу по всему, что им дорого.

На секунду в трубке повисла тишина — та самая, когда люди понимают: игра кончилась, началась война.

— Выполняем, — прозвучало в ответ, коротко и без лишних эмоций.

«Время кончилось, — подумал я, глядя на город, который поклялся защищать. — Теперь остаётся только действовать. И надеяться, что, когда всё закончится, будет кому вернуться».

Повернулся и пошёл прочь от пирса, туда, где ждали мои люди и война. Ветер больше не пытался сорвать с меня пальто — он смирился, что сегодня его усилия бесполезны.

Но гдето глубоко внутри, под слоями долга и власти, оставалась одна простая, невыносимая мысль: если я потеряю Талию, вся эта империя станет просто грудой камней. И никто

не сможет склеить её обратно. Даже я.

Глава 8. Кристиан

Я стоял у окна своего кабинета, глядя, как город медленно просыпается: первые лучи солнца скользили по стеклянным фасадам, пытались стереть с них ночную тень. Но я знал: сколько ни свети, а некоторые тени не выгонишь.

В дверь тихо постучали, и на пороге появилась Талия. В строгом костюме, с собранными волосами, она выглядела так, будто готовилась не к первому рабочему дню в фирме, а к суду, где на кону стояла чья-то жизнь. И в какомто смысле так и было.

— Готова? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё сжималось.

Она кивнула, но в её взгляде было напряжение.

— Первое дело. Клиент непростой. И... он связан с моим миром, — я не стал ходить вокруг да около. Не хотел, чтобы она узнала это от кого-то другого, в неподходящий момент, когда уже будет поздно отступить.

— Ты хочешь сказать, что я буду работать на тебя? — голос у неё стал резким и холодным. — Через фирму? Через эти договоры, через эти папки?

— Я хочу сказать, что ты будешь знать, на кого работаешь, — поправил я, глядя ей прямо в глаза. — Я не собираюсь прятать свою суть. Не от тебя. Никогда.

Она сжала кулаки, и я видел, как в ней борются злость и

понимание. Злость — потому что это ломало её представление о «нормальной» работе, о том, как всё должно быть. Понимание — потому что она уже знала, кто я. Знала, в какой мир шагнула.

— Это не игра, — тихо сказал я. — И я не хочу, чтобы ты чувствовала себя пешкой. Но если ты возьмёшься за это дело, ты должна быть готова к тому, что границы будут размыты.

Она долго смотрела на меня, пыталась прочесть что-то за словами, а потом медленно выдохнула.

— Тогда пусть это будет честно, — наконец произнесла она. — Никаких полутонов. Если я делаю это, я делаю осознанно.

Я едва заметно кивнул. Этого было достаточно.

— Хорошо. Тогда иди. И помни: если что-то покажется тебе неправильным — скажи. Даже если это будет стоить мне многого.

Когда она вышла, закрыв за собой дверь чуть тише, чем обычно, я опустил в кресло и на секунду прикрыл глаза. Мне казалось, что я только что подвёл её к краю обрыва и попросил сделать шаг, не обещая, что там будет земля.

Телефон коротко вибрировал. На экране — имя Рикардо. — Да, — ответил я, не тратя время на приветствия.

— Марко здесь. У нас новости. Тяго собирает капо мелких семей, переманивает их на свою сторону. Похоже, готовит большой союз.

Внутри всё мгновенно заledenело. Тяго. Союз. Эти слова складывались в картину, которую я не хотел видеть.

— Найти, — коротко бросил я. — Не трогать. Наблюдать. Я хочу знать каждый его шаг, каждую встречу, каждый вдох. Если он готовится к чемуто, я должен увидеть это раньше, чем он сделает новый ход.

— Понял, — голос Рикардо звучал твёрдо. — Мы работаем.

Я отключил звонок и посидел минуту, позволяя холоду внутри стать не паникой, а инструментом. Паника ломает. Холод — строит.

Потом я встал и направился вниз, в подвал.

Там, в полумраке, на стуле сидел Алекс. Руки были стянуты за спиной, лицо — в синяках, но взгляд оставался упрямым, почти дерзким. Он знал, что я приду. И знал, что сейчас начнётся самое тяжёлое.

— Почему? — спросил я, останавливаясь напротив него. Не кричал, не бил, просто смотрел, давая ему шанс сказать правду. — Почему ты предал меня? Ты был моим человеком. Ты знал, что значит быть частью этого.

Алекс усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья — только горечь и чтото ещё, похожее на стыд, который он пытался спрятать за дерзостью.

— Потому что иногда верность — это роскошь, которую не можешь себе позволить, — произнёс он тихо. — Ты не видишь всей картины, Кристиан. Ты видишь только свой угол.

А есть вещи, которые заставляют делать выбор, даже если он ломает тебя изнутри.

— Не прячься за красивыми словами, — оборвал я. — Скажи прямо. Кто тебя купил? Или ты думаешь, что я поверю в эту философию?

Он помолчал, взвешивая, стоит ли вообще говорить, а потом опустил голову.

— Тьяго, — выдохнул он. — Он не покупал. Он... предложил то, что я не мог отвергнуть. Шанс спасти коекого. Того, кто был мне дорог. И я выбрал это. Я выбрал их. Прости.

Тьяго. Снова Тьяго.

— Кого? — спросил я, чувствуя, как холод внутри пре-
вращается в сталь.

— Этого я не скажу, — покачал головой Алекс. — Пусть это останется моим грехом.

Я кивнул. Не потому, что простил, а потому, что понял: большего он не скажет.

— Ты останешься здесь, пока я не решу, что с тобой делать, — сказал я, поворачиваясь к двери. — И молись, чтобы я нашёл другой способ узнать правду.

Выйдя из подвала, я сразу же нашёл Рико. Он стоял у лестницы, ждал именно этого момента.

— Рико, — позвал я, и он тут же подошёл, готовый к любому приказу.

— Слушай внимательно. Талия сегодня в офисе. Я хочу, чтобы ты следовал за ней по пятам. Не вмешивайся, если

не будет прямой угрозы. Но пусть она даже не почувствует твоего присутствия — и в то же время пусть ни один волосок с её головы не упадёт.

Рико кивнул, не задавая лишних вопросов.

— Сделаю, — коротко ответил он. — Она не останется одна. Ни на секунду.

Я на мгновение задержал на нём взгляд, и в этом взгляде было больше, чем просто приказ. Это была просьба. И Рико её услышал.

Чуть позже ко мне подошёл Марко. В его глазах было что-то, что редко там появлялось, — лёгкое облегчение.

— Нейтлин и Нестор помирились, — сообщил он. — Они поговорили. Долго. Честно. И решили, что свадьбе быть.

На секунду я даже забыл про Тяго, про Алекса, про все эти угрозы и планы. Просто почувствовал, как внутри что-то чуть-чуть расслабилось.

— Это хорошие новости, — тихо сказал я. — Пусть у них будет хоть что-то настоящее. Хоть что-то, за что не придётся сражаться.

Марко чуть улыбнулся, и эта улыбка была редкой драгоценностью в нашем мире.

— Да. Пусть будет так.

Позже в кабинет заглянула Дженни. Она редко приходила ко мне просто так, без дела. И я знал: если пришла — значит, это важно.

— Ты поступил мудро, — сказала она, глядя на меня спо-

койно, без осуждения и без похвалы, просто как человек, который видит больше, чем другие. — Что согласился с её решением. Что не стал давить. В вашем деле сила — не только в приказах. Иногда сила — в том, чтобы позволить человеку самому сделать выбор. Даже если боишься, что он ошибётся.

— Спасибо, — тихо ответил я. — Иногда мне нужно слышать это.

Она ещё немного постояла, проверяя, всё ли со мной в порядке, а потом вышла, оставив меня наедине с моими мыслями.

А мысли возвращались к одному: Тяго в Италии, собирает силы. Алекс, который предал ради кого-то дорогого. Талия, которая сегодня впервые пошла на работу, зная, на кого работает. И город, который казался спокойным, но уже дышал предстоящей бурей.

Я снова подошёл к окну. Солнце поднималось выше, заливая кабинет тёплым светом. Но я знал: этот свет не согреет. Он только покажет тени, которые станут длиннее с каждой минутой.

И я должен был быть готов к тому, что скоро эти тени оживут.

Телефон на столе тихо звякнул — сообщение от Рико:
«Она в офисе. Всё спокойно».

Я выдохнул, сам не заметив, что держал дыхание. Это было маленькое облегчение, но в нашем мире даже такие мелочи ценились на вес золота.

В дверь постучали, и на пороге появился Марко с папкой в руках. Вид у него был собранный, но в глазах всё ещё мелькала та самая редкая теплота, которая появлялась, когда речь шла о чём-то хорошем.

— Ещё кое-что, — сказал он, протягивая мне папку. — По свадьбе. Нестор хочет, чтобы всё было попростому. Никаких пышных церемоний, никаких лишних глаз. Только самые близкие.

Я взял папку, пробежал глазами по страницам. Список гостей был коротким — и оттого казался правильным. Чем меньше имён в списке, тем меньше шансов, что кто-то использует праздник как повод для удара.

— Пусть будет так, — кивнул я. — Пусть хотя бы у них будет день, когда никто не будет смотреть на них как на мишени.

Марко снова чуть улыбнулся, и эта улыбка на секунду разогнала тяжесть в комнате.

— Я прослежу, — пообещал он. — Ни один посторонний не пройдёт.

Он уже собирался выйти, но остановился у двери.

— Кристиан, — тихо произнёс он. — Ты не можешь держать всё на себе. Даже ты. Если Тяго готовит что-то... нам нужно действовать не только силой, но и умом. Может, стоит поговорить с теми, кто ещё не выбрал сторону? С теми, кто колеблется?

— Пока нет, — ответил я, твёрдо, но без раздражения.

— Сначала мы должны понять, что именно он строит. Союз капо — это не просто слова. Это деньги, оружие, маршруты. Если мы начнём стучаться в двери раньше времени, Тьяго это почувствует. И ударит туда, где мы слабее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.